

ГОРОД ЧУДЕС

ДЖАННИ РОДАРИ

ПРИНЦЕССА ВЕСЕЛИНА

ГОРОД ЧУДЕС

GIANNI RODARI
VENTI STORIE PIÙ UNA

ДЖАННИ РОДАРИ

ПРИНЦЕССА ВЕСЕЛИНА

СКАЗКИ

Перевод с итальянского
Ирины Константиновой

Художник
Вадим Челак

Москва
«МАХАОН»
2011

ТЕРЕЗИНА- КОТОРАЯ-НЕ-РАСТЁТ

Тереза была такой тоненькой и грациозной девочкой, что казалась игрушечной, и все ласково звали её Терезина, что значит маленькая Тереза.

Жила девочка с папой, мамой и бабушкой в одном горном селении. И была своей жизнью вполне довольна. Ходила пританцовывая, а говорила напевая.

— Хорошо тебе живётся, Терезина?

Конечно же ей очень хорошо живётся в этом мире!

Со временем у неё появился братик, которого называли Ансельмо, и девочка с удовольствием носила его в поле — полюбоваться цветами или же на луг — показать корову, а то и в курятник — посмотреть, нет ли там свежего яичка.

Но вот однажды началась война, и папе Терезины пришлось пойти в солдаты. Ушёл он и погиб на войне. Узнав об этом, мама и бабушка обнялись и заплакали от горя, а Терезина спросила:

— Почему плачете?

— Бедная Терезина, — вздохнула бабушка, — бедный Ансельмуччо! Ваш отец, детки, больше никогда не вернётся домой!

— Почему? — удивилась Терезина. — Папа такой добрый, и я так люблю его. Я напишу королю, чтобы он отпустил его! Хочу, чтобы папа всегда оставался с нами!

— Король уже ничего не может сделать для твоего папы, — объяснила бабушка. — Король послал его на войну. Война окончилась, и король победил. Только для нас это никакая не радость, потому что твой папа погиб.

— Но это же несправедливо! — возмутилась Терезина, покраснев от негодования. — А раз так, не хочу больше жить в этом ужасном мире, где может быть такая несправедливость!

— Девочка моя, — сказала мама, — вырастешь — многое поймёшь.

— Не хочу понимать, не хочу ничего знать! — закричала Терезина, заливаясь слезами. — И расти не хочу больше! Вот возьму и навсегда останусь маленькой!

И действительно, с того дня она перестала расти. Так и оставалась маленькой девочкой, но теперь уже совсем не весёлой, а очень и очень печальной.

Ансельмо вскоре подрос, сначала дотянулся ей до пояса, потом — до плеча. Он уже научился бегать и с каждым днём незаметно тянулся вверх. А Терезина так и не росла больше.

— Мир, где столько несправедливости, не для меня, — упрямо повторяла она.

И люди прозвали её Терезина-которая-не-растёт. Девочки, когда-то такие же маленькие, как она, теперь выросли, превратились в красивых, стройных девушек и стали готовить себе приданое.

— Терезина, — говорили они, — не вырастешь — замуж не выйдешь!

— А я и не хочу замуж.

— Останешься маленькой, парни не захотят петь тебе серенады!

— Мне не нужны их серенады.

— Даже туфли не сможешь носить на высоких каблуках!

— Мне не нужны высокие каблуки, мне нравятся мои деревянные башмаки.

Девушки смеялись, а Терезина убегала от них и пряталась на сеновале. Она проводила там целые дни, размышляя, как ей жить дальше, и столько думала, что даже голова начинала болеть.

Между тем мама от огорчения и тяжёлых трудов заболела, и её отправили в больницу. Всю домашнюю работу пришлось делать бабушке, уже очень старенькой.

У Терезины сердце сжималось, когда она видела, как трудно старушке нести вязанку дров для очага.

— Ох, я несчастная, — вздыхала бабушка, возвращаясь с водой от фонтана, — не по силам мне теперь эти вёдра. А будь ты, Терезина, немного побольше, помогла бы.

Терезина попробовала поднять ведро с водой — не смогла. Попыталась взвалить на плечи вязанку дров — упала и ободрала коленку.

— Ладно, — решила она, — видимо, придётся подрасти чуть-чуть. Но ровно настолько, чтобы помогать бабушке. И ни на сантиметр больше! А потом опять перестану расти.

Так и сделала. Выросла немножко, взяла вёдра и пошла к фонтану.

Бабушка, когда увидела, что внучка несёт полные вёдра воды, расцеловала её.

— Спасибо, Терезина, ты просто молодец! Послушай, а не можешь ли ты дать сена корове? У меня сегодня болят руки, а вилы такие тяжёлые...

Терезина отправилась в хлев, что под сеновалом, и взялась за вилы, но они и впрямь оказались очень тяжёлые, словно гири, и Терезина не смогла поднять их.

— Ладно, — решила она, — придётся вырасти ещё немного, чтобы управляться в хлеву вместо бабушки. Но потом уж точно перестану расти!

Так и сделала. Теперь девочка стала почти такого же роста, как её подруги, но все по привычке по-прежнему звали её Терезиной-которая-не-растёт. Однажды придумав прозвище, люди неохотно отказываются от него.

Впрочем, на этот раз они оказались правы — Терезина подросла совсем немного и опять перестала расти, так что прозвище всё равно очень подходило ей.

Мама ещё лежала в больнице, когда умерла бабушка.

Теперь Терезина осталась одна с Ансельмо, который к тому времени уже бегал в школу. Девочке нелегко было управлять со всеми делами. Она вставала рано утром, готовила завтрак, будила брата, следила, чтобы он хорошенько вымыл уши, кормила его и провожала в школу. Потом варила обед, наводила порядок в доме. А ещё нужно было накормить домашний скот, подоить корову да прополоть грядки...

Слишком много оказалось тяжёлой для Терезины работы. И полдня не проходило, как она падала без сил, а дел оставалось видимо-невидимо.

Вечером у неё слипались глаза, но следовало ещё помыть посуду, выгладить школьный костюмчик для Ансельмо и заштопать ему носки...

«Видно, придётся ещё немножко вырасти, — подумала Терезина, — чтобы помогать Ансельмо, пока мама не вернётся из больницы. Кто же ещё позаботится о нём, если не я? Он слишком мал, чтобы самому управляться со всем».

Так и сделала. Выросла ещё немного, и домашняя работа сразу же показалась ей совсем нетрудной. Иногда, смотрясь в большое зеркало на дверце шкафа, Терезина огорчалась, что заметно подросла. «Твёрдый характер, как же! Решила оставаться маленькой, а теперь уж и в зеркале не уместюсь!» — ворчала девочка.

Впрочем, она тут же отгоняла грустные мысли и принималась за работу, утешаясь: «Ничего, что пришлось вырасти. Кто-то ведь должен вести хозяйство!»

Когда мама вернулась из больницы, в доме царили уют и чистота. А Терезина выросла так, что и не узнать её.

Мама хотела было заняться домашними делами, но Терезина не позволила ей и пальцем шевельнуть.

— Отдыхай, мамочка! — заботливо сказала она. — Всё, что нужно, я сама сделаю.

Теперь их стало трое, значит, хлопот прибавилось, и Терезина опять не справлялась.

«Ладно, — решила девочка, — подрасту ещё чуть-чуть. Я ведь не для себя это делаю, а ради мамы, чтобы она снова не заболела».

И стала Терезина такой же высокой, как её подруги. Больше того, она оказалась самой красивой девушкой на селе. А вырасти девочка ещё хоть на сантиметр, люди сразу же придумали бы ей новое прозвище — ну что-нибудь вроде Жердь или Дылда.

Подружки шутили:

— Знаешь, Терезина-которая-не-растёт, теперь, пожалуй, тебе и в самом деле пора остановиться. Если будешь расти и дальше, станешь выше парней, и никто тебя замуж не возьмёт.

— Пусть это вас не заботит! Я о парнях и не думаю.

Терезина не думала ни о парнях, ни о себе. Она думала, как всегда, только о том, как помочь тем, кто нуждается в её помощи. Она даже радовалась, что выросла, потому что могла теперь помогать многим.

Когда мама наконец взяла домашнее хозяйство в свои руки, у Терезины появилось больше свободного времени, и она принялась заботиться об одинокой старушке соседке.

Так постепенно все люди в селе, кому требовалась какая-нибудь помощь, стали обращаться к Терезине-которая-не-растёт. Девочка всегда с радостью откликалась на просьбы и никому не отказывала.

Однажды прошёл слух, будто в горах появился страшный разбойник. И вот как-то явился он в село, вооружённый до зубов, и велел собрать ему килограмм золота. В ожидании уселся на ступеньках церкви.

— А будет меньше хоть на грамм, — пригрозил он, — сожгу все ваши дома!

Никто не решился перечить ему. Женщины стали приносить свои кольца, серьги, цепочки.

Жена бакалейщика одолжила весы, чтобы взвешивать принесённое золото, и всем объясняла, что тем самым выполнила долг и может оставить при себе свои драгоценности.

А Терезина пошла по домам созывать мужчин.

— Ну, выходите, не бойтесь! Вас же много, а он один!

— Один, да с оружием, — в страхе отвечали мужчины. — Пусть лучше забирает всё золото.

Терезина возмутилась:

— Да мужчины вы, наконец, или стадо баранов?!

Но никто так и не послушал её. Один за другим мужчины отворачивались, чтобы Терезина не видела, как они краснеют от стыда, но всё равно не решались сразиться с бандитом.

— Ладно, — объявила девушка, — я сама возьмусь за дело!

Терезина вернулась домой и подошла к зеркалу.

— Хочу вырасти ещё! — твёрдо произнесла она, глядя на своё отражение. — Хочу стать великаншей!

И в ту же минуту начала расти. Росла, пока не упёрлась головой в потолок. Но этого ей показалось мало. Терезина вышла во двор — там ничто не мешало расти дальше. Доросла до крыши, и этого тоже оказалось недостаточно.

— Надо дорасти до трубы, — решила она.

Так и сделала. Теперь девушка уже не сомневалась, что сможет исполнить задуманное.

А задумала Терезина вот что. Она вышла на площадь и направилась прямо к разбойнику. Увидев великаншу, злодей бросил ружьё и пустился наутёк.

Но не тут-то было! Терезина в четыре прыжка догнала его, схватила за шиворот, закинула на колокольню и приказала:

— Сиди там и ни с места, пока не придут за тобой стражники!

Разбойник, боясь упасть, закрыл глаза и затаил дыхание. Терезина отправилась домой. А навстречу ей с радостными криками бежал народ.

«На этот раз я, пожалуй, сгруппировала, — подумала она, — помогая другим, удружила себе — стала великаншей, чудовищем! Ну да ладно, кто-то ведь должен проучить разбойника».

И тут произошло нечто странное. С каждым шагом Терезина стала уменьшаться, пока снова не превратилась в ту прекрасную Терезину, какой знали её раньше.

И в свой дом она смогла войти, не опасаясь удариться о притолоку, и на стул села, не боясь сломать его. Это была прежняя Терезина — одна из самых красивых и высоких девушек в селе. Люди сбегались к ней, чтобы поблагодарить, и не верили своим глазам.

— Как это тебе удалось, Терезина-которая-не-растёт?

Терезина только смущённо улыбалась в ответ. Слишком простодушная, она и не ведала, что человек, который борется с несправедливостью, становится великаном, хоть и остаётся при этом обычного роста. Не меньше радовалась она и тому, что исправила свою детскую ошибку.

ПУДОВИЧОК И ПУШИНКА

Как-то утром король одного королевства проснулся с большим желанием отправиться на охоту.

— Мне снились олени, — сказал он своему министру. — Они подходили ко мне и брали корм прямо из рук. Хороший сон, хороший знак. Прикажи конюхам — пусть седлают моего Морелло.

Конюх, который ухаживал за Морелло, был очень славным и трудолюбивым юношей. Звали его Джелиндо. Конь у него всегда ухожен — ни единого насекомого от гривы до хвоста не отыщешь.

А этим утром, придя в конюшню, Джелиндо не обнаружил Морелло. Где только не искал его, нет коня, и всё тут. Кто-то из придворных слышал в полночь ржание, кому-то почудилось, будто стукнули ворота...

— Видимо, украли, — опечалился Джелиндо.

Но кто осмелится сказать об этом королю? Король же, когда ему доложили о случившемся, ужасно рассвирепел и приказал посадить конюха за решётку. А если через три дня Морелло не найдётся, Джелиндо казнить.

Министр отправился на конюшню, чтобы арестовать конюха, но оказалось, что теперь и Джелиндо пропал.

— Кто-то же должен отвечать, — решил министр. — Посажу-ка я за решётку главного конюха, и пусть его ожидает судьба Джелиндо.

А Джелиндо, опасаясь гнева короля, прятался в городе у своего приятеля. Но когда узнал, что невинный человек попал вместо него в тюрьму и может ни за что погибнуть, надумал вернуться. Однако приятель стал отговаривать его.

— Лучше поищи коня, — посоветовал он. — Найдёшь — спасёшь и главного конюха, и себя.

— Да где же его искать?

— Моей жене сегодня снилось, будто кто-то галопом ускакал за восточные ворота. Наверное, слышала во сне цокот копыт. Попробуй поискать в той стороне.

Джелиндо сунул в мешок хлеб, бутылку вина и отправился в путь. Шёл он, шёл, а когда наступил полдень, решил позавтракать. Присел в тени дуба и вдруг услышал чей-то тоненький голосок:

— Вытащи меня отсюда! Вытащи меня отсюда!

Джелиндо осмотрелся и увидел неподалёку глубокую яму, а в ней маленького человечка, ростом не больше полуметра, тощего, сухонького и ужасно сердитого.

— Что ты там делаешь? — удивился молодой конюх.

— Ловлю крота. Вытащи меня, и я тебе всё расскажу.

Джелиндо протянул ему руку, но вытащить человечка не смог. Тогда он протянул другую руку и изо всех сил упёрся ногами в землю.

— Какой же ты тяжёлый!

— Тяжёлый. Сам знаю. Я заснул тут, в тенёчке, и продавил своим весом яму.

— Как тебя зовут?

— Пудовичок.

— Подходящее имя!

— А ты кто такой?

— Меня зовут Джелиндо, — ответил конюх и рассказал, куда идёт он и зачем.

— Пойду и я с тобой! Мне всё равно делать нечего.

Джелиндо и Пудовичок шли весь день и на закате присели под смоковницей передохнуть. Сидят и вдруг слышат:

— Снимите меня отсюда! Снимите меня отсюда!

— Да где ты?

— Тут я, на смоковнице!

Взглянули они вверх и видят: сидит на самой тоненькой веточке огромный, как две бочки, человек, а веточка под ним даже не прогнулась.

— Отчего же ты сам не спрыгнешь?

— Не могу — я слишком лёгкий. Прилёг под деревом и во сне взлетел сюда.

— Как тебя зовут?

— Пушинка.

— Подходящее имя!

Джелиндо и Пудовичок сняли Пушинку с дерева и поделились с ним хлебом и вином.

— Куда путь держите? — спросил Пушинка.

Рассказали путешественники ему, кто они и куда направляются.

— Пойду и я с вами. Мне всё равно делать нечего.

И отправились они дальше втроём. Пудовичок и Пушинка всё время держались за руки, и потому один не мог провалиться, а другой не мог взлететь.

К ночи добрались до мрачного, без единого окна замка.

— Не очень-то привлекательное убежище, — заметил Джелиндо, — да только поздно нам искать гостиницу. Попробуем переночевать тут.

Они подошли к воротам и хотели было позвать привратника, как вдруг подъёмный мост со скрипом пошёл вверх.

— Видно, не хотят пускать нас! — сказал Джелиндо. — Ну-ка, друзья, за дело!

Пушинка подпрыгнул и уцепился за край моста, а Пудовичок ухватился за ноги Пушинки. Мост так же, со скрипом медленно опустился.

Все трое направились в замок, но вдруг чей-то злой голос остановил их:

— Эй, вы, нищие попрошайки! Что вам здесь надо? Можете переночевать и в навозной куче!

В воротах замка стоял высокий худой человек в чёрном плаще. Остроконечная шляпа его была разрисована странными знаками.

— Осторожнее, — шепнул Пушинка Джелиндо. — Должно быть, это колдун!

Но конюха волновало другое. Он внимательно прислушался. Ему показалось, будто откуда-то издали донеслось ржание Морелло. Однако Джелиндо ничего никому не сказал

и вежливо приветствовал хозяина замка, отвесив ему низкий поклон:

— Мы бедные путники. Нам немного и надо-то: миску похлёбки да соломенную подстилку.

— Вы, должно быть, приняли меня за хозяина гостиницы. Да будет вам известно, что я — могущественный колдун и у меня тут нет никаких соломенных подстилок, а есть только хорошие матрацы!

Колдун пустил путников на кухню и налил им остатки лукового супа. А потом отвёл в комнату на самом верху башни, указал на постели и ушёл, заперев дверь на три замка.

Друзья улеглись спать. Пушинка привязал свою руку к кровати, чтобы не взлететь. А Пудовичок подвязал руку к балке на потолке, чтобы не провалиться. Минуту спустя оба дружно захрапели.

Джелиндо не мог уснуть и всё прислушивался. Глубокой ночью он снова услышал далёкое ржание и понял, что конь спрятан где-то в подземелье.

«Это Морелло, нет сомнения! — обрадовался конюх. — Как бы освободить его?..»

Он всю ночь ломал голову, но так и не придумал, как заставить колдуна вернуть коня. Рано утром хозяин замка разбудил их.

— Вставайте, — приказал он, — и проваливайтесь отсюда! Меня ждут дела.

— Наверное, хотите кого-нибудь заколдовать? — осторожно поинтересовался Джелиндо. — Вы, ваша милость, должно быть, самый могущественный из чародеев?

— Ты угадал, — ответил тот, польщённый его словами. — А кто ещё мог бы распознать в обыкновенном коне из ко-

ролевской конюшни коня крылатого?

— Прекрасно, — заметил Джелиндо, — выходит, теперь Морелло сможет летать...

— Сможет, сможет летать! — подтвердил хозяин замка. — Колдовство почти завершено. Осталось только вырвать по волоску из гривы и хвоста... Но... Откуда ты знаешь Морелло? Кто ты такой? Кто вы все такие? И что вам здесь нужно? Ага, понимаю! Вы нарочно проникли в мой замок... Задумали украсть коня! Ну так я вам сейчас покажу!

И он уже собрался было произнести заклинание, но тут Пудовичок наступил ему на ногу и придавил её всем своим весом. Колдун завопил от боли:

— А-а-а!.. Я вижу, хотите побороться? Ну что же, давайте!

— Только по-честному! — предупредил Джелиндо.

— Конечно, конечно, по-честному. Кто победит, тот и заберёт Морелло.

Они спустились в зал. Колдун позвал слугу и велел принести весы.

— Посмотрим, кто из нас тяжелее! — усмехнулся он.

— Согласен, — сказал Джелиндо. — Выбирайте любого из нас. Колдун посмотрел на Джелиндо, потом на Пушинку и остановил свой взгляд на Пудовичке.

— Я выбираю этого!

— Как вам будет угодно, — поклонился Джелиндо.

Колдун встал на весы, прошептал заклинание, и слуга принялся накладывать гири. Сто килограммов, двести, триста... Когда набралось тысяча килограммов, колдун соскочил с весов и рассмеялся:

— Ну а теперь посмотрим, на что вы способны!

Пудовичок поставил на весы только одну ногу. Сто, двести, триста... Когда стрелка показала полторы тысячи килограммов, он снял ногу с весов и шмыгнул носом. У могучего колдуна искры посыпались из глаз.

— Хорошо, ваша взяла! Первый раунд вы выиграли, — злобно произнёс он. — Ну а теперь посмотрим, кто весит меньше!

И приказал принести другие весы. На одну чашку он положил пёрышко, а на другую уселся сам. Пёрышко оказалось тяжелее.

— А теперь садись ты! — велел колдун, обращаясь к толстяку.

На этот раз уж он не сомневался в победе. А Пушинка взял пёрышко, разрезал его на десять частей, отбросил в сторону девять и положил на весы только одну десятую его часть. Потом прыгнул на другую чашу, и этот кусочек пёрышка оказался таким тяжёлым, что Пушинка подлетел к самому потолку и набил себе шишку на макушке.

Колдун, который в этом состязании ещё никогда не терпел поражения, бросился им в ноги и стал умолять:

— Отдам все мои сокровища, оставьте Морелло!

- Нет, мне нужен только конь! — ответил Джелиндо.
- Отдам мой замок и все мои земли! — продолжал колдун.
- Отдай Морелло, больше ничего мне не надо!
- Возьми волшебную палочку!

Как ни просил, как ни умолял колдун, ни на что не соглашался Джелиндо обменять коня. Пришлось вывести Морелло и распрощаться с надеждой стать с помощью крылатого коня самым богатым и могущественным человеком на земле.

Не теряя времени, друзья двинулись в обратный путь. Джелиндо и Пушинка сидели на Морелло, а Пудовичок бежал следом. Они так обрадовались, что совсем забыли про маленькую хитрость, с помощью которой могли превратить Морелло в крылатого коня.

От счастья, что его любимый конь вернулся, король устроил друзьям праздничную встречу. Он освободил главного конюха, обнял Джелинду и сказал:

— Хочу вознаградить тебя по заслугам. Вижу, с тобой пришли друзья. Один из них толстый, как две бочки. Я дам тебе столько золота, сколько он весит. Доволен?

— Ваше величество, — ответил хитрый Джелиндо, — вы слишком добры, но столько мне не нужно. Лучше дайте, сколько весит тот мой друг, что невелик ростом.

Король обнял его ещё крепче. Жадный по натуре, он решил, что и без того наобещал слишком много золота, и велел принести весы. Маленький Пудовичок встал на них, а люди, увидев это, рассмеялись.

Многие говорили, что Джелиндо просто дурак, — они-то на его месте сумели бы удержать фортуна за хвост. Но когда королевский казначей начал сыпать золото на весы, люди снова засмеялись, только теперь по другой причине. Оказывается, понадобилась половина королевской казны, чтобы чаша весов, на которой сидел Пудовичок, приподнялась хоть на чуточку.

Король побледнел и принялся теребить бороду. Наконец он не выдержал и вскричал:

— Взять этих мошенников и отправить в тюрьму!

Вот тут-то Джелиндо очень кстати вспомнил о словах колдуна. Он вырвал волос из гривы Морелло, вырвал другой из его хвоста, вскочил на коня и... тот взлетел!

Затем на коня прыгнул Пушинка, и Пудовичок ухватился за его ноги. И все, кто находился во дворце, остались с носом, увидев, как высоко над крышами города летит прекрасный крылатый конь, унося Джелиндо, Пудовичка и Пушинку, а с ними вместе и весы, гружённые золотом.

ЖАРЕНАЯ КУКУРУЗА

Жил-был король. Звали его Аквальберто Двадцатый, но народ прозвал его Крохобором, потому что слыл он очень жадным — даже корону свою никогда не надевал, опасаясь, что она износится.

Царствовал этот король в Мурландии и насчитывалось ему от роду пятьдесят девять лет — на год меньше шестидесяти.

За несколько месяцев до того дня, когда ему должно было исполниться шестьдесят, позвал он своего первого министра графа Коварнини по прозвищу Хитроумный и сказал:

— Послушай-ка, граф, скоро будет большой праздник — день моего рождения, и народ, конечно, пожелает сделать мне подарок. Я не хочу знать, что он мне подарит, потому что тогда не будет сюрприза, а сюрприз — это изюминка, без которой кулич, сам понимаешь, не кулич. Только смотри, я тебя заранее предупреждаю — мне не нужен какой-нибудь глупый подарок вроде тех, что вы делали прежде.

— Ваше величество, неужели вам не понравилась драгоценная корона, которую мы подарили в прошлый раз?

— Да никакая она не драгоценная, а всего лишь обычная позолоченная железяка, я сразу догадался.

— А эти прекрасные белые кони, которых мы подарили вам в позапрошлом году?

— Это же оказались ослы, которым вы подрезали уши, чтобы они походили на лошадей.

— А карета, которую подарили три года назад? Она ведь была из чистого серебра!

— Да, но слишком маленькая, словно игрушечная. Я так и не сел в неё ни разу... Ну ладно, оставим этот разговор. Скажи-ка лучше: что вы решили подарить мне на этот раз?

— Ваше величество, если скажу — узнаете, а узнаете — не будет сюрприза, и кулич, сами понимаете, будет не кулич.

— А ты как-нибудь так скажи, чтобы я не узнал!

Граф Коварнини давно уже придумал, какой сделать подарок королю, и теперь только притворялся, будто крепко задумался.

— Ну так что же? — не выдержал король Аквальберто, теряя терпение.

— Знаете, народ думает, что ваше величество обрадуется, если получит в подарок памятник.

— Хорошая мысль, хорошая. А какой? Бронзовый?

— Э нет, вот этого я вам не скажу.

— Мраморный?

— Холодно, холодно...

— Неужели деревянный? Не хочу деревянный! Чего доброго, люди ещё станут говорить, будто у меня не голова, а болванка.

— Ваше величество, не волнуйтесь, у вас будет самый прекрасный монумент, какой только может быть на свете.

- И все узнают меня?
— Непременно.
— Согласен. Иди и делай всё как следует. И если памятник мне понравится, подарю тебе...
— Что, ваше величество?
— Подарю...
— Что же, ваше величество?

— Подарю тебе золотое кольцо!

— О, благодарю вас, ваше величество!

— Постой, я ещё не закончил. Подарю тебе дырку от кольца, а само кольцо оставлю себе, потому что это память о дедушке.

— Всё равно благодарю, ваше величество.

Граф Коварнини низко поклонился и, пятясь, удалился из тронного зала, в то время как Аквальберто потирал от удовольствия руки.

А надобно вам сказать, что граф Коварнини недавно охотился в лесу, а потом, проголодавшись, зашёл в остерію «Чёрный дрозд». Зашёл да так и замер от удивления, потому что увидел человека... Очень странного человека... Он...

— Кто ты такой? — придя немного в себя, поинтересовался граф.

— Новый хозяин остерии, ваша светлость.

— А где прежний?

— Это был мой брат. Он умер и оставил остерию мне в наследство.

— Ну что ж, выходит, теперь хозяин здесь ты. А известно ли тебе, что ты как две капли воды похож на его величество короля Аквальберто Двадцатого?

— Я?! Помилосердствуйте! Я похож на своего отца, а он был кузнецом в Венеции.

— Но кузнецу нечего делать в Венеции — там ведь не держат лошадей, там плавают на гондолах!

— Вот именно. Отец очень не любил работать, поэтому и выбрал город, где не держат лошадей, чтобы целыми днями валяться на кровати.

— И вы очень похожи?

— Все, кто видел его, говорят, одно лицо. А я не знаю. Я никогда не видел его.

— А короля видел?

— Нет, тоже не видел.

— Ты похож на него, как на своё отражение в зеркале. Раз уж это говорю тебе я, можешь поверить, ведь я — первый министр короля.

— Спасибо, ваша светлость. Хотите пообедать?

За обедом, граф Коварнини всё время посматривал на хозяина,

которого, как он узнал, звали Анджелоне, а по прозвищу — Жареная Кукуруза.

— Анджелоне, послушай, что я тебе скажу, — подозревал он его наконец.

— Что прикажете, ваша светлость?

— Сколько тебе приносит эта твоя остерия?

— Надо сосчитать. Шестью восемь — сорок восемь... Минус девять... Три золотые монетки в неделю, если не слишком часто идёт дождь.

— А при чём тут дождь?

— При том, что тогда маловато бывает охотников, а все остальные простужены и лежат в постели.

— Если сделаешь, как велю, будешь получать по двадцать золотых монеток в неделю.

— Двадцать?

— Точно. Девятнадцать плюс один. Согласен?

— Дайте сосчитать. Шестью восемь — сорок восемь... Минус девять... Согласен.

— Ладно, тогда слушай.

Граф Коварнини объяснил Анджелоне, что тот должен делать. Анджелоне всё старательно записал.

— Молодец, — похвалил его граф Коварнини. — А чтобы легче было запомнить, держи вот эти десять золотых монеток.

— Десять раз спасибо, ваша светлость!

И вот настал день рождения его величества короля Аквальберто Двадцатого. Великий день. Королевство пробудилось от колокольного звона и грома пушечной канонады — пушки палили в честь короля и его юбилея. Выстрелов прозвучало шестьдесят, и люди вздыхали, считая их.

— Выстрел — золотая монетка, два выстрела — две золотые монетки, сорок выстрелов — сорок монеток, шестьдесят выстрелов — шестьдесят монеток... И за всё это мы должны платить из своего кармана — налогами!

Аквальберто разбудила целая процессия министров, сановников, мэров и школьников, которые размахивали флажками и пели: «Поздравляем, поздравляем, наилучшего желаем...»

— Хватит, хватит! — прикрикнул на них Аквальберто, который терпеть не мог эту глупую песенку. — Я проснулся. Где мой подарок?

— На площади, ваше величество, — ответил граф Коварнини. Аквальберто подбежал к окну. Посреди площади стоял памятник, укрытый золотистым покрывалом.

— Это он?

— Он.

— Красивый?

— Прекрасный.

— Быстрее, давайте сюда быстрее мои туфли, панталоны, плащ. Хочу скорее посмотреть на него.

— Сегодня вам надо надеть и корону, ваше величество!

— Но она может испортиться. А если пойдёт дождь, то намокнет!

— На небе ярко светит солнце.

— Тогда перегреется, расплавится!

— В день рождения, ваше величество, корона совершенно необходима.

— Ладно, — вздохнул король, — несите её.

Между тем на площади собрался народ Мурландии. Людям тоже хотелось посмотреть на памятник, который дарят за их счёт королю.

— Хорошо, если он деревянный, — сказал один мурландец своему соседу, — всё-таки подешевле.

— Хорошо бы, если не деревянный, то хоть каменный.

— Не каменный, так хоть мраморный.

— Не мраморный, так железный.

— Хорошо бы не золотой! — вздохнул какой-то старик.

— Хорошо бы! — эхом ответили все мурландцы.

Король сам потянул за шнур, который стягивал покрывало, и не успело оно упасть, как изумлённая толпа испустила бесконечное «О-о-о-о-о-о-х!».

— Ох! — слышалось со всех сторон. — Ох!

— Перестаньте вторить мне, словно эхо! — рассердился Аквальберто. — Это я первый сказал «Ох!». Монумент и в самом деле хорош. Даже лучше, чем я представлял себе. Хитроумный, а ты молодец! — похвалил он своего первого министра.

Памятник оказался великолепный. Он изображал короля во весь рост. В правой руке тот держал скипетр, а левой указывал на небо, как бы говоря: «Я прекрасен, как солнце!»

Король узнал все свои одежды:

— Это мой плащ, который я носил в прошлом году. Это мои панталоны, в которых я езжу верхом, а это точная копия моей короны!

— Всё верно, ваше величество, — улыбаясь и кланяясь, подтвердил граф Коварнини.

— Да у него и лицо моё! Мой нос, мои глаза, мои усы, даже цвет волос, как у меня! — радовался король.

— Конечно, ваше величество! — снова улыбнулся хитрый придворный.

— Да, но как вам удалось раскрасить его? Он что же, из гипса?

— Нет, ваше величество.

— Значит, бронзовый.

— Теплее, теплее...

— Серебряный.

— Горячо, горячо...

— Он... Он... золотой!

— Ещё горячее, ваше величество. Это живой памятник.

— Живой? Как это так — живой?

— Посмотрите внимательно, ваше величество. Видите, памятник дышит.

— И в самом деле — дышит!

— Памятник двигается.

Памятник сделал приветственный жест рукой.

— Памятник говорит.

И памятник, словно ждал сигнала, открыл рот и произнёс:

— Желаю тебе, Аквальберто Двадцатый, король Мурландии, ещё сто таких дней!

И снова по всей площади прокатилось изумлённое «Ох!». Удивлению народа не было конца.

Памятник, как вы уже догадались, изображал хозяин остерии Анджелоне по прозвищу Жареная Кукуруза. Он согласился на эту работу только из любви к золотым монеткам,

но теперь обнаружил, что ему не только деньги дают, а ещё и аплодируют, и остался очень, просто очень доволен собой.

Вот так и случилось, что король Аквальберто Двадцатый получил в подарок живой памятник. Причём получил при жизни, тогда как его отцу памятник (отнюдь не живой) поставили только после смерти.

Надо ли удивляться, что Аквальберто возомнил себя великим человеком. И, довольный как никогда, он отправился во дворец отведать праздничного торта.

Люди тоже разошлись по домам — каждый к своему торту. А Анджелоне остался изображать памятник. Ведь, как условились, он должен стоять на пьедестале с рассвета до заката без всякой еды. А ночью мог спокойно спускаться на землю,

ничего не опасаясь, потому что едва темнело, в этом далёком королевстве засыпали все, даже стражники.

Поначалу всё шло хорошо. Король каждое утро приходил взглянуть на памятник, приказывая ему приветствовать себя: «Здравствуйте, ваше величество!» — и возвращался во дворец рассматривать картинки в книжках.

Но однажды всё изменилось. Вернее, провалилась вся затея. А случилось вот что. Один охотник, который надолго уезжал из королевства, вернувшись, с удивлением обнаружил на площади памятник. Он присмотрелся к нему да как закричит:

— Анджелоне! Это ты, Анджелоне? Что ты там делаешь, на этом пьедестале?

— Помолчи, ради бога! — зашикал на него Анджелоне.

— Что значит «помолчи»? Не сошёл ли ты с ума? И что это ты на голову напялил?

— Корону.

— Да вижу, что корону. Только не понимаю: чего это тебе вздумалось залезть туда да ещё с короной на голове?

— Ради бога, помолчи! И вообще, уходи отсюда!

Мимо проходил горожанин и, услышав этот разговор, очень заинтересовался:

— Что такое? Что случилось?

— Как что?! — воскликнул охотник. — Это ведь Анджелоне! И он, должно быть, рехнулся.

— Какой Анджелоне?

— Да наш Анджелоне, хозяин остерии «Чёрный дрозд». Одиң у нас Анджелоне. По прозвищу Жареная Кукуруза.

— Жареная Кукуруза? Почему жареная?

— Потому что он любит жареную и с тёртым сыром.

Вскоре возле памятника собралась толпа горожан. Люди передавали друг другу новость, смеялись и кричали: «Жареная Кукуруза! Жареная Кукуруза!»

Поначалу Анджелоне всё это терпеливо сносил. Но когда площадь заполнилась народом, который стал потешаться над ним и обзывать Жареной Кукурузой, он не выдержал. Разозлившись, Анджелоне спрыгнул с пьедестала и принялся

колошматить всех направо и налево своим скипетром, отлитым, между прочим, из свинца.

— Это тебе за жареную кукурузу, а это за кукурузу с сушёной треской!

Он так разошёлся, что остановиться уже не мог. А люди только ещё больше смеялись и ещё громче кричали: «Жареная Кукуруза! Жареная Кукуруза!»

Выбившись из сил, Анджелоне хотел было снова забраться на пьедестал, да передумал: «А что проку теперь стоять там! Не буду я торчать на посмешище уличным мальчишкам!»

Отбросил он плащ и корону, отшвырнул скипетр и вернулся в свою остерию «Чёрный дрозд».

Аквальберто доложили, что памятник исчез по злому колдовству одного волшебника, бывшего в услужении у некоторых враждебных и завистливых королей. И никто не посмел сказать ему всю правду. Но с того дня народ перестал звать его Крохобором.

У короля появилось новое прозвище, которое стараниями графа Коварнини попало в учебник истории, — народ Мурландии стал называть своего короля Жареная Кукуруза.

Только Аквальберто так никогда и не узнал об этом. Он умер в полной уверенности, что в учебниках истории его величают Победоносным и Великим.

ПРИНЦ- ЛЕСНИК

Принц Сиро, единственный сын короля Беговии, очень любил охоту. Однажды, преследуя быстрого оленя, он далеко ускакал от своей свиты и заблудился в огромном лесу.

До самого заката блуждал принц по лесной чаще, но так и не смог выбраться из неё. А когда опустилась ночь, снял с коня седло, подложил его вместо подушки под голову и спокойно уснул. Утром легче будет отыскать дорогу домой, решил он.

Пока принц Сиро спал, его лошадь, испугавшись, должно быть, какого-то ночного животного, сорвалась с привязи, понеслась и упала в овраг.

И принц остался без лошади. Два дня бродил он по глухой чаще, собирал ягоды и коренья, чтобы утолить голод, а на третий день увидел за деревьями хижину. Однако, прежде чем постучаться, спрятал в кустах свой нарядный плащ. Пусть не знают, что он — королевский принц. Да и ему хорошо бы сначала понять, что за люди здесь живут.

В хижине жил лесник с дочерью. Они встретили Сиро приветливо, покормили чем могли и не стали расспрашивать, кто он такой и откуда пришёл.

Одежда на принце после долгих блужданий по лесу порвалась и испачкалась. Никто и не подумал бы, что так может быть одет настоящий принц.

Подкрепившись немного, Сиро поднялся на сеновал и уже через минуту крепко спал. Его разбудили чьи-то громкие голоса.

Оказывается, к леснику пришли его собратья, и, пока варились в горшке каштаны, они говорили о своей жизни.

— Чем дальше, тем труднее становится, — жаловался один из них. — Совсем невмоготу! Король своими налогами отбирает у нас даже то небольшое, что мы зарабатываем.

— Верно, — согласился второй, — другого такого жадного короля поискать надо!

— Мало того что жадный, ещё и злой, — добавил третий. — Помните, как он велел сжечь хижину Дарио из-за какого-то пустяка?

Принц Сиро слушал этот разговор, и щёки у него пылали от стыда. Одно за другим лесники обрушивали на его отца всё более сердитые обвинения, и каждое ранило принца, словно нож в сердце.

А в том, что эти бедные люди говорили правду, сомневаться не приходилось. Прежде Сиро никогда не слышал, даже не подозревал об их бедах. Теперь же, узнав, какая у них тяжёлая жизнь, немало огорчился, и от прежней его беспечности не осталось и следа.

«Ах, отец, отец, — сокрушался принц, — как же ты можешь так мучить наш добрый народ?»

Когда лесники позвали его к столу поесть дымящихся каштанов, Сиро спустился к ним, чувствуя себя виноватым и с трудом сдерживая слёзы от волнения.

Заметив, что с молодым человеком творится что-то неладное, Стелла, дочь лесника, предложила:

— Давайте оставим этот разговор. Видите, как расстроен наш гость? Едва ли не больше вас.

Добрые слова девушки глубоко тронули Сиро, и он решил не возвращаться в королевство.

«Стану лесником, — подумал принц, — разделю горести этих людей. Буду работать вместе с ними и постараюсь загладить своим трудом страдания, какие причинил им мой отец».

Он так и сделал. Построил себе хижину неподалёку от домика лесника и отрастил бороду, чтобы никто не узнал его. Теперь наверняка и отец не признал бы наследного принца в этом крепком человеке с загорелым лицом и густой светлой бородой.

Однако король Беговии Илларион Третий никак не мог смириться с утратой своего единственного сына. Он каждый день посылал в лес солдат, охотников и придворных, чтобы

те отыскиали и доставили к нему сына, пусть даже мёртвого. Но люди возвращались ни с чем, и король в гневе назначал им жестокие наказания.

— Обшарьте каждый куст, — требовал он и снова отправлял в лес несчастных придворных, — сожгите все хижины, какие попадутся, пытайте всех лесников! Не может человек, тем более принц, исчезнуть бесследно!

Придворные обыскали в лесу каждый куст, каждую хижину, но принца так и не нашли.

Тем временем прошёл год. Король не оставлял надежды найти своего сына. И вот однажды, отправившись в очередной раз на поиски, он увидел, как его собака разрыла в лесу кучу сухих листьев, и под ними оказался плащ пропавшего принца.

— Все за мной! — обрадовавшись, приказал король Илларион и вскочил в седло. — Сейчас-то мы его точно найдём!

Король возглавил отряд из ста солдат, прочесал с ними весь лес, палками выбивая признания у лесников.

Но никто так ничего и не сказал ему, потому что никто и в самом деле ничего не слышал о принце.

А Сиро работал в самом дальнем краю леса и не ведал, что происходит. Иначе он, конечно, очень огорчился бы, узнав, что его новые друзья страдают из-за него.

Когда же Сиро вернулся в свою хижину, его сразу схватили солдаты короля Иллариона.

— Всех лесников в тюрьму! — распорядился король. — И держать на воде и хлебе, пока не заговорят!

Стеллу тоже отправили в тюрьму. Сиро, увидев, как её в оковах ведут королевские стражники, в гневе разметал добрую дюжину солдат, которые пытались удержать его.

— Илларион, ты же убиваешь собственного сына! — воскликнул он.

Слова эти передали королю, и тот в ярости приказал казнить молодого бунтовщика.

— Пусть будет первым! А за ним последуют и другие, пока я не узнаю наконец, где мой сын!

Лесников отправили в подземелье, а Сиро — в башню, куда сажали перед казнью осуждённых.

Принц улёгся на топчан и сразу же уснул крепким, безмятежным сном. Его не страшила смерть, ведь он ни в чём не был виноват.

На рассвете принц позвал часового и сказал:

— Пойди к королю и передай ему мои слова: «Твой сын жив, и я знаю, где он. Но если хочешь увидеть его, освободи всех лесников, отведи в свою сокровищницу, и пусть они возьмут там всё, что пожелают».

С этими словами Сиро велел передать королю медальон, ко-

торый всегда носил на груди, под рубашкой. В нём принц хранил портрет матери, умершей, когда он появился на свет.

Увидев медальон, король понял, что слова узника, заточённого в башне, — не ложь и не ловушка. Дрожащими руками открыл он медальон и долго смотрел на портрет своей жены-королевы. Как он тосковал по ней!

— Ах, если бы ты была жива!.. — вздохнул Илларион.

Должно быть, при виде портрета что-то дрогнуло в его душе, и он вдруг почувствовал себя старым и уставшим человеком — уставшим от одиночества, от тяжести королевской короны и от собственной жестокости.

«Если бы я хоть на минуту мог увидеть моего сына, — подумал он, — тогда и умер бы спокойно».

А стражникам приказал:

— Сделайте, как велел тот юноша.

Стражники немало удивились, но выполнили приказ ко-

роля: освободили заключённых, отвели в сокровищницу и, указав на груды золота и драгоценностей, сказали:

— Берите всё что захотите. Наполняйте карманы.

Бедные лесники растерялись. Они привыкли, что их вечно преследуют горести и несчастья, и теперь не могли поверить в такое везение. Посчитав, что здесь таится какая-то ловушка, никто из них даже не прикоснулся к сокровищам.

А король тем временем велел привести к нему Сиро.

— Я сделал, как ты хотел, но лесники ничего не взяли. Как же мне быть?

— Ты мог бы и догадаться, что они ничего не возьмут. Теперь сам отдай им золото и драгоценности. Конечно, это не облегчит их горе, но хотя бы поможет в будущем.

— Ты упрекаешь меня, — вздохнул король. — А ведь я — просто несчастный человек.

С этими словами он собрал всё золото и драгоценности, что были в его сокровищнице, и раздал лесникам.

Принц увидел в глазах короля слёзы. Он одновременно и огорчился, и обрадовался — потому что ни за что на свете не хотел быть виновником этих слёз и потому что понял — его отец изменился, стал другим человеком.

— Берите, берите, — говорил Илларион, не сдерживая слёз, — мне всё это ни к чему. Только верните сына!

И тогда Сиро преклонил перед ним колени, поцеловал край его мантии и признался, кто он. В доказательство показал кольцо своей матери, назвал по именам слуг, припомнил свои игрушки, клички любимых лошадей...

Но ничего этого можно было бы и не рассказывать. Едва Сиро склонился перед королём, сердце шепнуло Иллариону, что перед ним действительно его сын.

— Отец, — сказал принц, — вы обрели сегодня не одного сына, а, если хотите, тысячи сыновей.

И он указал на лесников, стоявших рядом, а потом и в окно — на площадь, где собралось много народа.

— Мы все — ваши дети, — повторил Сиро.

Старый король, с трудом сдерживая волнение, едва смог вымолвить:

— Да, да, конечно...

Наконец пришло время представить отцу дочь лесника, которую принц полюбил всем сердцем и которая, к своему огромному удивлению, стала принцессой.

Король подивился красоте Стеллы и с радостью усадил её рядом с собой.

Одним словом, это оказался большой день для всех — один из тех, какие бывают, к сожалению, только в сказках.

И правда, в реальной жизни я почему-то никогда не встречал королей и принцев, которые дружили бы с лесниками.

ПРИНЦ ДУРАЛЕЙ

Принца Аврелио все знали как красивого, смелого воина, имевшего вдобавок множество прочих достоинств.

И всё же никто не величал его ни Мужественным, ни Отважным — а прозвали его в народе Дуралеем.

И в самом деле, хоть сильный и ловкий, принц, прямо скажем, отличался тупоумием. Уж очень долго до него всё доходило, и нередко он принимал дедку за репку, а горы за шторы.

Отправился Аврелио однажды на войну. Ну а так как он всё-таки принц, то поручили ему командовать целым флангом армии.

— Вы, ваше величество, должны взять с вашими солдатами вон тот мост, — сказал ему генерал.

Принц Аврелио провёл операцию как нельзя лучше: атаковал противника, отогнал его от моста, а потом... велел солдатам разобрать мост по кирпичикам, взвалить на плечи и отнести генералу.

— Я взял мост, как вы приказали! — доложил принц. — Вот он, перед вами.

— Молодчина! И как же теперь прикажете преследовать неприятеля?

А противник тем временем недолго думая с криками «Ура! Ура!» перешёл в наступление. Войско, которым командовал принц, пустилось наутёк. Побежали все, кроме Аврелио, потому что он никогда не отступал. К тому же принц неправильно понял крики «Ура! Ура!», решив, что война окончилась и наступил мир.

Аврелио взяли в плен, но когда узнали, что это он велел

разобрать мост, стали чествовать как героя.

— Надо же, — удивился принц, — как они любят меня!

Он часто принимал тыкву за морковку и теперь недоумевал, почему его вдруг посадили в тёмную камеру.

— Что за дуралеи такие?.. Поначалу чествовали, а теперь держат в тюрьме.

Аврелио опустился на соломенную подстилку и уснул. Утром его разбудил солнечный луч, проникший в маленькое окошко с толстыми железными прутьями. Принц подтянулся на руках, выглянул наружу и увидел пустой дворик, окружённый высокими стенами. А в окне напротив, тоже зарешеченном, — печальное лицо хорошенькой девушки. Хорошенькой? Она показалась Аврелио прекрасной, такой прекрасной, что у него сильно забилося сердце, а глаза наполнились слезами.

— Отчего плачешь, юноша? — спросила девушка, приветливо помахав ему.

— Не знаю, — с грустью ответил Аврелио. — Боюсь, мои соотечественники правы, называя меня принцем Дуралеем.

Девушка улыбнулась:

— Я слышала, тебя будут держать в тюрьме до тех пор, пока твой отец не отдаст столько золота, сколько ты весишь.

«Вот, значит, почему они так обрадовались, когда взяли меня в плен...» — догадался принц.

— Не плачь, — продолжала девушка. — Рано или поздно ты обязательно вернёшься домой... А вот моя судьба куда печальнее. Я — сицилийская принцесса, меня зовут Роза. Я плыла на корабле, пираты захватили его, а меня продали на Восток. И теперь ужасный колдун Берсанте держит меня в заточении. Он хочет, чтобы я вышла за него замуж. Это его владения. Ты тоже теперь его собственность. Колдун получил тебя в подарок от султана в благодарность за колдовство, которое помогло ему одержать победу.

Аврелио слушал печальную историю Розы, и слёзы ручьём текли по его щекам.

«Странно, — размышлял он, — плачу и сам не знаю отчего. Только чувствую, что становится легче. Что же это со мной происходит?»

— Роза, — воскликнул он, оставив свои мысли, — не отчаивайся! Твоя судьба станет моей судьбой. Мы вместе вернёмся домой, и я женюсь на тебе!

— Спасибо, добрый принц! У тебя благородное сердце. Но как ты сможешь одолеть колдуна Берсанте?

— Что-нибудь придумаю.

Должно быть, впервые в жизни принц употребил слово «думать». Кто знает, может, это слёзы прояснили его разум, а может, так подействовали на него горе и любовь.

«Нет, конечно, — решил принц Аврелио, — теперь я вовсе не дуралей, как прежде! Это я понял, благодаря... Да, да, благодаря темнице и Розе!»

Попрощавшись с девушкой, Аврелио опустил на пол и стал думать. Думал он, думал, но так и не смог придумать, как выбраться из тюрьмы вместе с Розой.

«Как же, оказывается, трудно думать! — удивился он. — Я совсем не привык к этому. Ну, ничего, обязательно что-нибудь придумаю! И тогда держись, Берсанте, жалкий колдун! Увидим, кто победит!»

Роза, напротив, сидя взаперти больше года, только и делала, что размышляла, как бы убежать от злущего старика. Но ей не хватало смелости вступить с ним в борьбу.

Слова принца Аврелио взволновали девушку. Она почувствовала, как в душе впервые затеплилась надежда.

«Должно быть, принц Аврелио передал мне немного своего мужества, — подумала она. — Это как раз то, что мне сейчас нужно больше всего...»

А ведь известно, мужество — оно такое: человек обнаруживает его у себя именно тогда, когда оно особенно необходимо или же когда совсем теряет надежду обрести его.

В ту ночь Роза незаметно пробралась в кабинет Берсанте, где хранилась Великая Книга Заклинаний. При свете луны она отыскала «Заклинание, чтобы выбраться из тюрьмы» и прочитала его, стараясь запомнить каждое слово, самое короткое из которых выглядело так: «Бороскватрискафулькавалькалазино».

Убедившись, что хорошо выучила заклинание, девушка поспешила обратно в камеру и с нетерпением принялась ждать утра. На рассвете, как только колдун Берсанте уехал по своим делам, Роза подбежала к окошку.

— Аврелио! — позвала она.

Бедный юноша за всю ночь ни на минуту не сомкнул глаз. Принц думал и думал, но, как вы знаете, у него это плохо получалось, а потому

он так и не нашёл того, что искал. Но заклинание, которое сообщила ему Роза, он запомнил с первого раза, так что де-вушке даже не пришлось повторять его.

— А теперь нам вместе нужно произнести заклинание, за-крыв глаза и стоя на одной ноге, — объяснила Роза. — Только сперва я хочу сказать тебе спасибо за то, что ты дал мне мужество бороться за свободу.

— Я тоже, — ответил Аврелио, — хочу поблагодарить тебя! За то, что заставила меня думать. А теперь — начнём.

И как только они произнесли последний слог заклинания, стены тюрьмы исчезли, и молодые люди оказались в карете.

— Роза!

— Аврелио!

Четвёрка чудесных лошадей, впряжённых в карету, нетерпеливо постукивала копытами, ожидая удара кнутом, чтобы пуститься вскачь.

Принц схватил поводья, хлестнул лошадей, и они тут же понеслись, едва касаясь земли.

— Вперёд! — кричал Аврелио, подгоняя лошадей. — Мы свободны! Возвращаемся домой!

Но безумная скачка длилась недолго. Неожиданно беглецов ослепила молния, и в тот же миг карета остановилась как вкопанная. Кони внезапно исчезли, а вместо них рядом с оглоблями лежали крохотные улитки, с удивлением шевеля своими рожками.

— Вперёд! Вперёд! — кричал Аврелио.

Но не думайте, будто он оставался всё тем же дуралеем и надеялся, что улитки сдвинут карету с места. Нет, это он сказал Розе, схватил её за руку, и они пустились бежать через поле к лесу, видневшемуся вдали.

За их спиной раздался зловещий смех. В коляске, запряжённой тигрицей, в погоню мчался колдун. На коленях Берсанте лежала Великая Книга Заклинаний, и ветер перелистывал её страницы.

— Я превратил ваших коней в улиток! — ликовал Берсанте. — Но это пустяк. Это лишь начало. То ли ещё будет!

— Не бойся, Роза! — воскликнул Аврелио. — Мы теперь сильнее колдуна...

Неожиданно новое препятствие встало на их пути — река! Неподалёку в тростнике юноша заметил лодку, тихо покачивающуюся на волнах. Принц бережно перенёс Розу в лодку, схватил вёсла и принялся грести. Тем временем колдун уже оказался на берегу. Он лихорадочно листал свою книгу.

— Вот что вам нужно! — вскричал Берсанте и быстро прочитал заклинание.

В ту же минуту лодка исчезла. Аврелио с Розой оказались в воде. Вёсла превратились в омерзительных червей, и юноша с отвращением отшвырнул их в воду.

— Всё кончено! Мы у него в руках, — бледнея, прошептала Роза.

Но Аврелио подхватил её и поплыл к другому берегу,

где виднелся лес. Колдун снова принялся листать свою волшебную книгу.

— Нашёл! — вдруг обрадовался он. — Ещё одно усилие... Вот как, вы уже на берегу... Ну так смотрите!

И в тот момент, когда Аврелио выходил из воды, неся на руках Розу, почти потерявшую сознание, колдун произнёс новое заклинание.

Деревья вдруг задвигались, словно живые существа, и стали окружать беглецов плотным кольцом.

— Западня! — кричал колдун. — Вы в западне!

От радости он вскочил и захлопал в ладоши. И тут книга, лежавшая у него на коленях, упала в воду, течение подхватило её и понесло прочь. Великая Книга Заклинаний плыла, пока не попала в водоворот и навсегда не исчезла в пучине.

— На помощь! — завопил Берсанте. — Моё сокровище!..

Тем временем тигрица, впряжённая в коляску, улучила момент, рванулась и выскочила из хомута. Но колдун больше не мог повелевать ею.

— Ловите! Ловите мою книгу! — кричал Берсанте и рвал на себе волосы от отчаяния. — Я же не умею плавать! Помогите!

Но никто не слышал его. А если б кто и услышал, вряд ли пришёл бы на помощь.

Роза и Аврелио спаслись — деревья вдруг тихо отступили и снова замерли на своих местах.

— Какое счастье! — обрадовался Аврелио. — Мы и правда сильнее колдуна!

Остальное можно досказать в двух словах: они вернулись домой и сыграли свадьбу. И все позабыли прозвище принца.

А Берсанте, оставшись без Книги Заклинаний, потерял свою силу и никому уже не был страшен. Чтобы не умереть с голоду, ему пришлось просить милостыню. Одни бросали ему в шапку фальшивые монетки и смеялись:

— Ну-ка, колдун, преврати их в золотые цехины!

Другие, напротив, жалели его и подавали несколько солёдо. Всё-таки старик есть старик, даже если он когда-то и слыл злым колдуном.

ПРИНЦЕССА ВЕСЕЛИНА

Король Боэмондо, правивший Брисландией, и его супруга королева Розалинда прожили вместе пятнадцать лет, когда наконец у них родилась дочь. Радость оказалась так велика, что они решили назвать девочку Веселиной.

По всему королевству объявили большой праздник, и огни фейерверка освещали небо три ночи подряд. Маленькая принцесса, словно для того чтобы оправдать своё имя, очень скоро обнаружила живой и беззаботный характер.

Однажды во время торжественной церемонии при дворе она начала прыгать по ступенькам трона. Главный Камергер чуть в обморок не упал — так шокировало его поведение малышки. Он даже позволил себе сделать принцессе замечание:

— Ваше высочество, но мы же не в цирке!

А король Боэмондо только улыбнулся:

— Оставьте её. Разве вам не хотелось бы сбросить лет пятьдесят, чтобы поиграть с ней?

В другой раз принцесса Веселина прицепила картонную рыбку к фраку Первого Министра. Тот страшно обиделся и даже хотел подать в отставку.

— Что за шутки! К тому же до первого апреля ещё целых два месяца! — жаловался он королю.

Однако Боэмондо и его успокоил:

— Во всяком случае, вы должны согласиться, что рыбка сделана весьма искусно!

Веселина имела обыкновение входить в королевский дворец и выходить из него только через окно.

— Ваше высочество, — сердилась гувернантка графиня Бибиана, — в этом дворце, слава богу, двести дверей, и воспитанные люди про это знают.

— Но ведь так скучно входить через двери! — отвечала Веселина. — Куда интереснее лазать на подоконник!

К сожалению, и для неё наступили печальные дни. Король Боэмондо заболел и умер. А через несколько месяцев и венценосная вдова последовала за ним в королевскую гробницу — величественную, со скульптурными украшениями, но такую же холодную, как и все прочие могилы.

Веселине исполнилось шестнадцать лет, и она думала, что умрёт от горя. Принцесса покорно согласилась на церемонию коронации и стала королевой. Она участвовала в заседаниях Совета Министров — сидела тихо-тихо, слушая долгие споры о вещах, которые её нисколько не интересовали, потому что ничего не понимала в них.

Но вскоре придворная жизнь закрутила её в своём водовороте. Одно за другим следовали празднества, приёмы, балы, спектакли, концерты. Ну как тут будешь грустить! И Веселина опять стала озорничать, как прежде. Она дёрнула за усы Главного Камергера, скакала по ступенькам трона, пряталась под кроватью, чтобы напугать графиню Бибиану.

Народу нравилась такая королева, а вот важным придворным сановникам не очень. Однажды королеву Веселину застали в тот момент, когда она вылезала в окно, не пожелав выйти в сад через парадную дверь, возле которой её всегда ждали часовые, чтобы отдать честь. И разразился огромный скандал!

— Это не королева, а шалунья какая-то! — возмущённо сообщил Главный Камергер всем, кто хотел его слушать.

Особенно внимательно его слушал герцог Дориберто, двоюродный брат Веселины, который уже давно приглядывался к трону, как говорят в таких случаях. Наверное, лучше прямо сказать, что он хотел украсть корону у своей кузины. Он полагал, что легкомыслие молодой королевы поможет ему достичь цели, а также рассчитывал на помощь некоторых сановников, наобещав им званий и богатств. Кроме того, он уверял, что всегда будет выходить только через двери...

Однажды ночью Веселину внезапно разбудила её верная гувернантка.

— Ваше величество, одевайтесь! — с тревогой сказала она. — Нужно бежать! И как можно скорее! Герцог Дориберто провозгласил себя королём Брисландии! И уже послал стражников арестовать вас!

— Дориберто — король? — Веселина расхохоталась. — Как же будет держаться корона на его вечно лохматой голове?

— Ваше величество, сейчас не до смеха. Надо бежать!

— Вот замечательно! Это единственное, что мне ещё никогда не удавалось, а любой уличный мальчишка делает это сотню раз в день. Скорее, Бибиана, бежим, бежим!

И пока графиня Бибиана торопливо укрывала её плащом, Веселина продолжала смеяться и хлопать в ладоши от радости:

— Убегаю в лес, словно сказочная принцесса!

— Сейчас зима, ваше величество. В лесу много снега, мы можем замёрзнуть! Ох мы несчастные, несчастные... — причитала гувернантка.

— Глупышка, нисколько не замёрзнем, потому что будем ходить на лыжах!

Таков уж характер у Веселины — она, счастливница, ко всему относилась легко и беззаботно. Беззаботно отнеслась она и к своей новой жизни, хотя на её месте любая другая королева, будь она хоть чуточку менее весёлой, плакала бы от унижения и страха.

Веселина жила с Бибианой в хижине, укрытой в самой глубине брисландского леса. Ей помогал верный слуга Грациано, который последовал за нею в это печальное изгнание. Он приносил еду и дрова для очага. Её коварный брат Дориберто не стал преследовать королеву.

Три года прожила Веселина в лесу со своей славной Бибианой и добрым Грациано, и ни один день не проходил без игр и веселья. Однажды Грациано, ездивший в столицу за продуктами, привёз волнующие новости.

— Похоже, армия недовольна королём Дориберто. Народ тоже ус-

тал и протестует: уж слишком злым и жестоким оказалось его правление! Народ требует, чтобы вернулась добрая королева Веселина. Говорят, новый Камергер разослал гонцов во все концы страны в поисках вашего величества.

— Какая прелесть! — обрадовалась Веселина. — Значит, возвращаемся домой!

А ещё через два дня кортеж, состоящий из роскошных карет, остановился возле хижины Веселины. Должно быть, кто-то знал, где укрывается королева, но молчал, чтобы не навредить ей.

Веселина вышла к послам в самом скромном платье, босиком и даже без шляпы.

Знатные господа приветствовали её, как и подобает встречать королеву, — склонившись перед ней в низком поклоне.

— Ваше величество, вернитесь править нами на счастье Брисландии.

— Я готова, — с лёгкостью ответила Веселина. — Поехали!

И она снова стала править страной, как всегда весёлая и беспечная, готовая в любую минуту подшутить над Камергером или дёрнуть за бороду Первого Министра.

И чтобы не печалить Веселину, ей даже не стали рассказывать о том, что происходило в её отсутствие. Не сказали, как Дориберто вовлёк Брисландию в жестокую войну с соседним герцогством Мировия, как происходили ужасные сражения и в них погибли тысячи молодых людей. Решили — пусть себе развлекается.

Всем нравилось, что она радует людей своим хорошим настроением и добротой. Серьёзно с королевой поговорили лишь однажды — в день, когда ей исполнилось двадцать лет. Веселине напомнили, что пора выбирать жениха.

— Это важное дело, ваше величество, — сказал Первый Министр. — Чрезвычайно важное! Вы должны дать трону наследника. Позвольте мне попросить вас перестать смеяться.

— Я стараюсь, — ответила Веселина, прикрывая рот платком, — но не получается. Не могу не смеяться. Мысль о замужестве кажется мне такой смешной, что...

И она снова залилась звонким смехом. В тот день Совет Министров заседал особенно долго, гораздо дольше обычного. Наконец Веселина решилась.

— Ладно, — сказала она, хитро улыбаясь, — я согласна выйти замуж. И чтобы вы убедились, что говорю серьёзно, обещаю,

что выйду замуж за того юношу, знатного или простолюдина, брисландца или чужеземца, который сумеет так признаться мне в любви, что я не засмеюсь. Если останусь невозмутимой, значит, вопрос решён — это и будет мой жених.

Ужасно довольные, что добились от неё обещания, министры поспешили объявить об этом всему королевству. В назначенный день и час площадь перед дворцом заполнилась народом.

Претенденты на руку и сердце королевы выстроились в первом ряду перед тронем, поставленным наверху парадной лестницы. Это были знатные юноши, приехавшие из разных концов королевства и даже из других стран. Каждый из них не сомневался, что сумеет заставить королеву сохранить серьёзность.

Но вот появилась Веселина. Громкие аплодисменты приветствовали её. Усевшись на трон, королева помахала своей короной, словно шапочкой или платочком. Рукоплескания вспыхнули с новой силой, и к ним добавились взрывы смеха.

Прозвучал сигнал трубы, и вперёд вышел первый претендент. Он опустился перед королевой на колени и сказал:

— Ваше величество, кладу моё сердце к вашим ногам...

И, растерявшись, замолчал, потому что Веселина, услышав его слова, вскочила и принялась что-то искать на земле возле трона.

— Могу ли я помочь вам? — робко спросил претендент.

— Да,— ответила Веселина, — помогите мне отыскать ваше сердце. Вы ведь сказали, что положили его сюда, но я ничего не вижу, здесь его нет...

И ну хохотать. А уж если смеялась она, можете себе представить, как покатывался от смеха народ.

Претендент, покраснев, поклонился, вскочил на коня, и больше его не видели.

Вперёд вышел второй претендент на звание жениха — такой ослепительно красивый принц, что люди даже перестали смеяться. По площади прокатилось громкое «Ах!».

— Ваше величество! — воскликнул принц. — Моя любовь — это пламя, которое...

— На помощь! — вдруг закричала Веселина. — Зовите пожарных! Или принесите хоть ведро с водой. Я не хочу, чтобы этот молодой человек подпалил любовным огнём свои усы.

И ну хохотать. Народ тоже смеялся от души.

Один за другим все участники соревнования признавались королеве в своей любви, и один за другим уходили, осмеянные. А те, что ещё остались, уж и боялись выходить.

— Иди ты, а я потом, — шептали они друг другу.

Но никто не решался выйти вперёд. Неожиданно на красивом лице Веселины появилось странное выражение. Возможно ли? Веселина вдруг стала серьёзной, почти печальной. Все увидели, как она сделала знак подойти Первому Министру, что-то спросила у него, выслушала ответ и принялась спорить с ним.

Дело в том, что в толпе людей, пришедших посмотреть на соревнования женихов, она заметила одного юношу, простого деревенского парня, который за всё время ни разу даже не улыбнулся. Веселина потому и обратила на него внимание. А потом увидела, что у него нет руки — пустой рукав засунут в карман. Кто этот юноша? Почему он так печален? Как и где потерял руку?

— Это инвалид, — объяснил Веселине Первый Министр, быстро разузнав всё, что надо.

— Инвалид? А что это значит? — спросила Веселина.

И Первый Министр в большом смущении объяснил ей. Он рассказал про войну, про людей, погибших в сражениях, и про то, как страдает народ.

Веселина слушала его, и в душе у неё вдруг родилось чувство, какого она ещё никогда не испытывала раньше: жалость охватила её. Огромная площадь замерла. Все понимали, что происходит что-то необычное, и притихли.

— Почему все скрывали от меня правду?! — рассердилась Веселина. — Как вы могли позволить мне веселиться и развлекаться, когда вокруг столько горя?!

Первый Министр забормотал какие-то оправдания, но королева уже не слушала его. Она не отрываясь смотрела на молодого человека, и он тоже глаз не мог отвести от неё. В его взгляде не было упрёка, а только смиренное восхищение.

И тут Веселина вдруг поняла, что любит его за все страдания, какие он перенёс, и что юноша тоже любит её, потому что угадывает её сочувствие.

Веселина медленно спустилась по лестнице на площадь и подошла к юноше. Она побледнела, в глазах стояли слёзы, но голос звучал твёрдо, когда все услышали её слова:

— Хочешь быть моим мужем?

И молодой человек произнёс только одно слово:

— Да.

ВОЛШЕБНИК ГАРУ

Когда человек обладает какими-нибудь необыкновенными способностями, он по-разному ведёт себя — либо хвастается ими и получает удовольствие от восхищения публики, либо скрывает их и втихомолку старается извлечь из них пользу.

Густав предпочитал не рекламировать свой редкий дар. На всех базарах Брисландии и Турговии его знали как мастера удалять мозоли, продавца мазей для отпугивания ведьм, алхимика и балаганного шута. Короче говоря, как известного шарлатана.

Но он оказался ещё и чревовещателем, только об этом никто не знал. Однажды Густав сделал из папье-маше куклу, нарядил её в чёрное платье, надел на голову остроконечный колпак, окрестил Волшебником Гару и сказал:

— Ну а теперь будь молодцом, помоги Густаву разбогатеть!

Сделав кое-какие приготовления, Густав отправился на ярмарку в Бисбург. Поставил на площади стол, забрался на него, водрузил рядом стул, на который, словно на трон, посадил Волшебника Гару, и принялся делать в воздухе таинственные пассы, как бы вызывая духов.

Когда вокруг собралась большая толпа, он прочистил горло и объявил:

— Горожане! Сегодня великий день! Волшебник Гару оказывает вам честь своим появлением и в свою очередь считает для себя большой честью знакомство с вами. Я правильно передал вашу мысль, Гару?

— Правильно, Густав, для меня это огромная честь.

Толпа ахнула от удивления. Кто это говорит? Неужели кукла? Возможно ли такое? Она что, волшебная? Или живая?

— Господа, не бойтесь! — продолжал Густав. — Волшебник Гару явился сюда не для того, чтобы сделать вам что-нибудь плохое. Напротив, он исполнен к вам самого дружеского расположения. Верно я говорю, Гару?

— Совершенно верно, Густав! Я желаю добра городу Бисбургу и его жителям. Это славный народ, и он не заслуживает тех невзгод, какие обрушились на него.

— Ну и ну! — воскликнул из толпы горожанин. — Откуда эта кукла знает, что городские власти обложили нас новыми налогами?

А какая-то худенькая женщина торопливо перекрестилась и пробормотала:

— Боже праведный, по-моему, тут пахнет чертовщиной!

Густав между тем продолжал:

— Горожане, заметьте себе — я ничего не знал про ваши налоги. Вы все видели, что я только час назад приехал из-за границы и ни с кем ни о чём не разговаривал. Но Волшебник Гару знает всё. Хотите — сами расспросите.

— Ну что ж, — снова заговорил тот же горожанин, — я вот, к примеру, хотел бы знать, что он думает о новых налогах.

Густав скрестил на груди руки и повернулся к Волшебнику Гару, как бы ожидая ответа. Говорил-то за него, разумеется, он сам — говорил особым образом, как умеют только чревоушатели, — и всем казалось, будто разговаривает не он, а кукла.

— Налог на лошадиные хвосты — это несправедливость! — заявил Волшебник Гару. — А налог на женские чепчики унижен для рыцарских традиций бисбургийцев!

Громкие аплодисменты приветствовали эти слова. Надобно вам сказать, что городские власти, стремясь как-то пополнить опустевшую казну, ввели недавно новый налог —

на лошадиные хвосты: короткий хвост — дукат, полхвоста — два дуката, длинный — три дуката.

Люди, понятное дело, чтобы платить как можно меньше, поспешили укоротить хвосты своим лошадям, и те, несчастные, лишившись природной мухобойки, ужасно страдали от укусов слепней.

Налог на чепчики тоже зависел от высоты этого головного убора. Женщины Бисбурга всегда гордились своими высокими, как колокольня, чепчиками. А теперь, опять же чтобы меньше платить, им пришлось укорачивать их. Чепчики стали совсем плоские и настолько некрасивые, что даже стыдно надевать их.

— Молодец, Гару! — закричали женщины. — Золотые слова!

— Что верно, то верно, — рассудил другой горожанин, — от налогов больше неприятностей, чем от града. Но всё-таки надо же как-то пополнять городскую казну.

— Вы слышали, Гару? — в свою очередь задал вопрос Густав. — Не хотите ли ответить этому уважаемому горожанину?

— Охотно, — отозвалась кукла. — Я думаю, нужно скорее послать кого-нибудь к Восточным воротам города. Там растёт липа. Возле неё зарыт небольшой клад.

Нужно ли пояснять, что этот «небольшой клад» спрятал сам Густав перед тем, как войти в город. И даже перецеловал

каждую монетку, потому что расставался со своими последними двадцатью дукатами.

Но он надеялся вместо них получить в сто раз больше. Несколько горожан тут же поспешили к Восточным воротам, благо они совсем рядом с базарной площадью, и вскоре вернулись с радостными криками, показывая деньги, которые откопали возле липы.

— Да здравствует Гару! — закричала толпа.

— Пусть Гару будет нашим мэром!

— Долой налог на чепчики!

Густав жестом успокоил разволновавшуюся толпу, давая понять, что хочет говорить.

— Волшебник Гару, — сказал он, — не откроете ли вы этим славным горожанам и другие клады?

— А ты, Густав, — спросила кукла, — согласен отдать меня этим уважаемым бисбургийцам?

Густав притворился озадаченным и растерянным. Толпа зашумела. И как раз в это время на площадь вышли мэр и советники, заседавшие в муниципалитете. Их появление вызвало новые взволнованные крики. Словом, бисбургийцы заставили городские власти купить на вес золота драгоценную говорящую куклу, которая умела находить клады.

— Ладно, — вздохнул мэр, уступая воле горожан, — не будет же кукла из папье-маше весить целый центнер.

Центнер она, конечно, не весила, но оказалась довольно тяжёлой, потому что Густав зашил в её платье большой кусок свинца. Короче, он получил тысячу золотых дукатов. Положив их в карман, Густав заторопился. Он отказался от приглашений на обед и ужин, которые сыпались со всех

сторон, купил лошадь и выехал из города через Западные ворота.

Толпа горожан провожала его, торжественно неся на носилках Волшебника Гару. Когда настал момент расставания, Густав с деланным волнением в голосе обратился к своей кукле:

— Прощайте, Гару! Оставляю вас этому городу и его жителям. Осчастливьте их так же, как осчастливили меня!

— Прощай, мой добрый Густав! — ответил Густав самому себе, притворяясь, будто это говорит Гару. — Приезжай иногда в Бисбург навестить меня.

Женщины в толпе даже прослезились от умиления. Густав прищипорил коня и исчез в облаке пыли. А горожане двинулись к муниципалитету, заполнили зал заседаний, положили в кресло мэра груды подушек, усадили на них Волшебника Гару и велели мэру расспросить его.

Мэр поднял руку, призывая к тишине, и сказал:

— Друзья мои, горожане! Счастье, которое свалилось с неба на наш город в этот знаменательный день, позволяет мне сообщить вам, что налог на лошадиные хвосты отменён.

— Ура! Да здравствует Гару! Да здравствуют лошади!

— Отменён налог и на женские чепчики!

— Да здравствуют чепчики! Да здравствует Гару! Да здравствуют женщины!

— Предлагаю повесить в этом зале мемориальную доску, чтобы наши потомки помнили о том дне, когда у нас появился Волшебник Гару!

— Да здравствует доска! И пусть будет мраморная с золотыми буквами!

— Согласен, — продолжал мэр, — пусть будет с золотыми буквами. Тем более что о золоте, которое необходимо для этого, позаботится наш новый друг и покровитель. Не так ли, Волшебник Гару?

Все притихли в ожидании ответа. Тысячи глаз устремились на неподвижную куклу, важно восседавшую в кресле. Но она не издала ни звука.

Подождав немного, мэр снова спросил:

— Волшебник Гару, не укажете ли нам, как обещали, ещё какое-нибудь место, где зарыт клад?

Кукла по-прежнему молчала. Больше того, выбрала как раз этот момент, чтобы свалиться с подушек — должно быть, её не совсем удобно посадили.

Горожане перепугались.

— Волшебник Гару потерял сознание! — закричал кто-то. — Наверное, ему не хватает воздуха! Здесь так душно, что умереть можно! Откройте быстрее окна!

Распахнули все окна. Мэр осторожно приподнял куклу и снова усадил на подушки.

Какая-то женщина протянула ему флакончик с уксусом:

— Дайте ему понюхать, и он сразу придёт в себя.

Мэр схватил флакончик и сунул его под нос Гару.

В это время в распахнутые окна ворвался ветер, и чёрный плащ куклы шелохнулся.

— Он очнулся! Очнулся! Слава богу, он жив!

— Доктора! Нет ли здесь доктора?

Доктора не оказалось, но нашёлся парикмахер. Он пощупал пульс Гару, приложил ухо к груди и послушал сердце, потом снял шляпу, склонил голову и безутешным голосом сообщил:

— Увы! Он умер. Сердце его больше не бьётся.

Можно себе представить отчаяние бисбургийцев.

— Но как же так?! Что с ним случилось?! Он ведь только что был здоров!

Бедняги, им оставалось только одно — похоронить Гару.

Это получились грандиозные похороны. Кто-то в толпе вспомнил Густава:

— Жаль, что его нет здесь! Он бы обрадовался, увидев, какие почести мы воздаём его другу.

Но Густав почему-то больше так никогда и не появился в Бисбурге. А налоги? О, тут всё очень просто! На другой же день после похорон городские власти восстановили налоги на лошадиные хвосты и женские чепчики. Более того, чтобы вернуть в казну тысячу дукатов, уплаченных Густаву, они ввели новый налог с мужчин — на усы. Так что, кто хотел по-прежнему носить длинные усы, обязан был теперь выкладывать каждую неделю по дукату.

ГОВОРЯЩАЯ СТАТУЯ

Король Мурландии Боэмондо Третий по прозвищу Справедливый на самом деле слыл очень несправедливым и ужасно жестоким властителем, каких до него не знали в этой несчастной стране.

Жадный, он не уставал придумывать новые налоги, чтобы умножать свои богатства.

Драчливый, он непременно раза два в год затевал войну с соседними королевствами.

Подозрительный, он заполнял тюрьмы ни в чём не повинными людьми — стоило кому-нибудь шепнуть что-либо на ухо знакомому, как его тотчас обвиняли в заговоре против короля и бросали в подземелье крепости.

Но почему же тогда его называли Справедливым? По алфавитной причине.

Сейчас объясню.

Дело в том, что в Мурландии издавна существовал обычай давать королям прозвища в алфавитном порядке. Первый король, Винченцо Первый, понятное дело, получил прозвище Августейший.

Второй король выбрал себе прозвище, которое начинается с буквы «Б», — Благородный, но потом все узнали, что душонка у него мелкая и низкая.

Третьего короля, Роберто Первого, прозвали Великолепным, хотя на самом деле он был страшнее жабы.

Ещё одному королю предстояло выбрать себе имя, которое начинается с буквы «З», и он назвал себя Завоевателем, хотя за всю жизнь так ничего и не завоевал.

Разумеется, у всех последующих королей прозвища оказывались одно пышнее другого — Героический, Дальновидный, Могучий, Непобедимый, Отважный и так далее и тому подобное.

Когда же на престол взошёл Боэмондо Третий, пришла очередь буквы «С». Придворные стали наперебой предлагать:

— Солнцеподобный!

— Спаситель!

— Светоносный!

А про себя, вспоминая недостатки короля, говорили: «Самодур! Себялюбец! Скоморох! Солдафон! Скорпион!»

Но Боэмондо решил быть Справедливым! И горе тому, кто забывал про это. Однажды взбрело ему в голову поставить на площади памятник самому себе.

— Нужно, чтобы это была точная копия, — сразу предупредил он. — Статуя, как и я, должна разговаривать, а не только походить на меня лицом и фигурой.

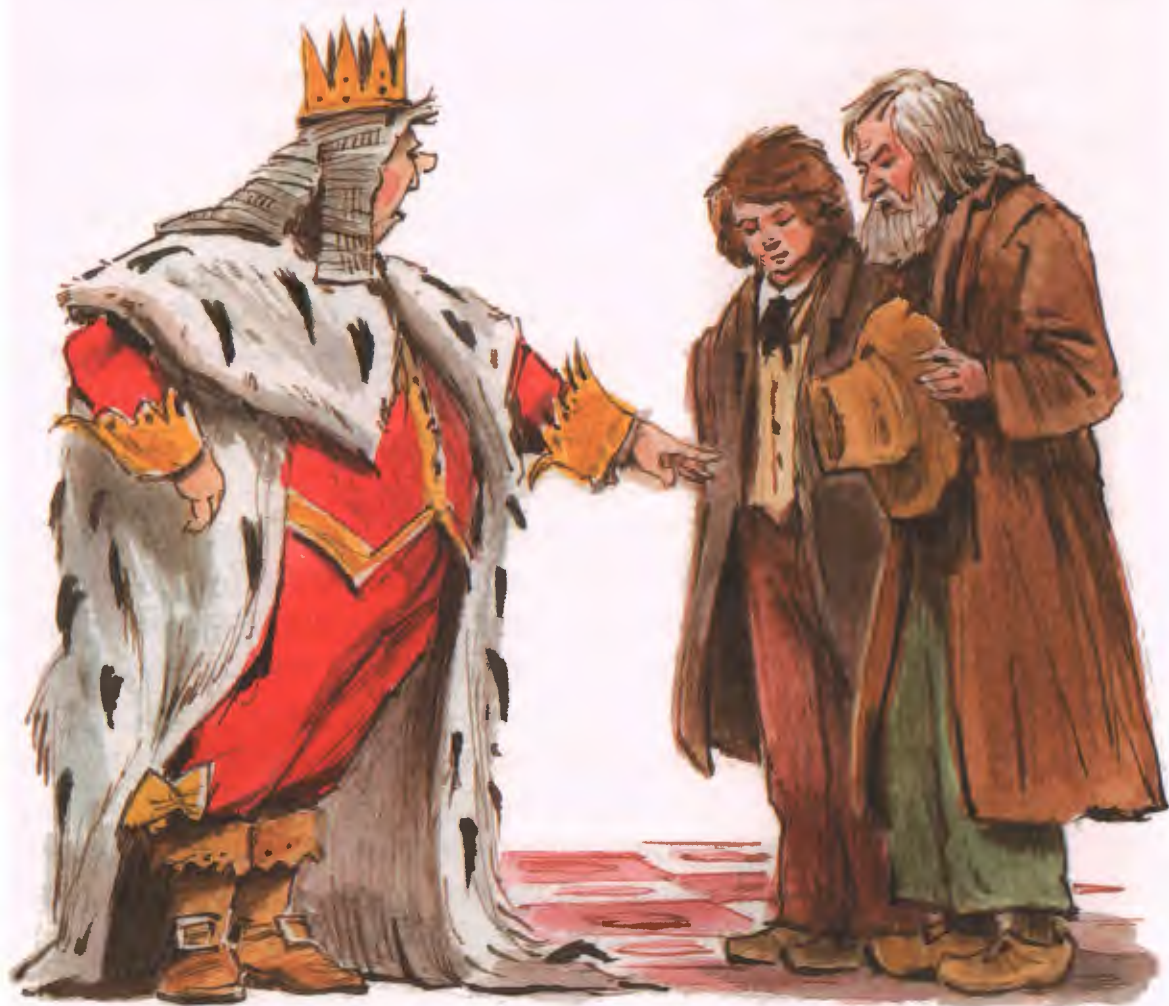
Услышав королевский указ, лучшие скульпторы страны собрали свои пожитки и под покровом ночи поспешили к границе. Но покинуть родину им не удалось. Их схватили и доставили во дворец.

— Молодцы! Ай да молодцы! — ухмыльнулся король, сверля их взглядом. — Так-то вы почитаете своего монарха! В своё

время вы создали статую моего отца, статую моего деда. Некоторые из вас даже высекли из камня кошек и собак, а статую Справедливого, значит, делать не хотите?

— Ваше величество, — осмелился возразить один из скульпторов, — невозможно сотворить говорящую статую. Мрамор безмолвен.

— А вы сделайте из железа, из дерева, из чего хотите, хоть из масла! Итак, за работу! Отныне будете сидеть в своих мастерских под стражей, пока не закончите монумент. Кто

сумеет сделать говорящую статую, получит столько золота, сколько весит он сам вместе с нею. Другие, понятное дело, окончат свои дни в тюрьме. Вопросы есть?

О боже, какие тут могут быть вопросы! Слышалась только тихая дробь, словно в окно стучал град, а на самом деле это у скульпторов стучали от страха зубы.

Неделю спустя Боэмондо начал обходить мастерские, желая лично проверить, как движется работа. А через месяц двери тюрьмы открылись и закрылись, впустив самого выдающегося скульптора Мурландии: он закончил статую короля, она оказалась прекрасна, но говорить не умела.

Вскоре один за другим компанию ему составили и все остальные скульпторы королевства.

Боэмондо кипел от возмущения:

— Ещё называют себя ваятелями! Это же бездари и негодаи! Я уж не говорю о том, что они, наверное, нарочно хотят позлить меня!

Однажды утром у ворот королевского дворца остановился странный посетитель.

— Как вас зовут? — спросили стражники.

— Густав.

— Не тот ли шарлатан, что торгует лекарствами от зубной боли и по базарным дням кривляется в балагане?

— Шарлатан?! Я?! Вы плохо расслышали моё имя. Я — Густав, самый знаменитый из врачей. А также музыкант, поэт, художник и скульптор.

— А что это вы притащили сюда на тележке? Что там под покрывалом?

— Это, уважаемые господа, говорящая статуя короля Боэмондо Третьего по прозвищу Справедливый. Не отнимайте

у меня время и доложите его величеству.

— Как хотите. Только всё это может плохо кончиться для вас. Неужели вы ничего не слышали про тюрьму и про скульпторов, которые сидят там?

— Исполняйте свой долг, — невозмутимо ответил Густав. — Докложите Справедливому или пожалеете об этом.

Стражники переглянулись, словно говоря: «Мы предупредили. Но, если ему хочется лезть в пасть к волку, его дело».

Они провели Густава с его тележкой к королю, поклонились и пошли разносить по всему свету, что какой-то сумасшедший напрашивается в тюрьму.

— Ваше величество, — тем временем обратился Густав к королю, — соблаговолите принять подарок от вашего самого преданного подданного.

Говоря так, он откинул покрывало, прикрывавшее статую, и король увидел... весы. Знаете, такие большие весы с площадкой, на которых взвешивают мешки,

ящики и другие крупные предметы. Их называют ещё десятичными весами.

— Что?! Что?! — вскипел монарх, указывая пальцем на весы. — Вы думаете, я потерплю... Вы думаете, что... — Он задышался от гнева.

— Справедливый Боэмондо! — воскликнул Густав, торжественно поднимая руку, словно собираясь дать клятву. — Вряд ли можно придумать что-либо, имеющее больше сходства с таким королём, как вы, чем эта статуя. Народ уже сейчас называет вас Справедливым, а потомки будут читать о ваших деяниях в учебниках истории. Разве весы не лучший символ справедливости? Они отмеряют точный вес предмета так же, как вы воздаёте должное каждому своему подданному в зависимости от его заслуг и провинностей. Весы — символ справедливости, а вы, сир, — её воплощение! Вы — весы королевства, весы всего мира!.. Соблаговолите, между прочим, спросить статую о чём-нибудь, и она ответит вам.

Король подумал немного и обратился к весам с вопросом: — Кто я такой?

Голос, звучавший словно из подземелья, но несомненно человеческий, ответил:

— Ты — Боэмондо Третий по прозвищу Справедливый, император Мурландии.

— Я действительно король этой страны, но не император.

— Сегодня — король, завтра — император! — продолжал голос. — Твоё будущее мне известно лучше, чем тебе. Ты завоеешь новые царства. Твоя империя будет простираться от одного моря до другого, от восточных гор до западных.

Король Боэмондо хлопнул в ладоши, чтобы вошли придворные, которые подслушивали у дверей. Он казался на

седьмом небе от счастья, пританцовывал, смеялся, обнимал Густава и ласково поглаживал весы.

— Синьоры, — вскричал он, — посмотрите, наконец-то у меня есть говорящая статуя! И я буду императором! И моя империя будет простираться от восточных гор до западных!.. Да вы только послушайте, что говорит эта статуя! — И, обращаясь к весам, он спросил: — Так кто я такой?

— Ты — Боэмондо Третий по прозванию Справедливый, император Мурландии, Брисландии и Мировии, великий герцог заморских земель, властелин семи пустынь, покоритель двух полюсов.

— И полюсов тоже? — удивился Боэмондо.

— И Северного, и Южного. К тебе явятся воздать почести обитатели иных миров — с Луны и других далёких планет.

— А когда же это случится?

— Раньше, чем можешь ожидать. Колесо судьбы придёт в движение, как только вручишь великому скульптору заслуженную награду.

Густав, молча стоявший возле весов под растерянными взглядами придворных, поклонился:

— Ваше величество, с этим можно не торопиться.

— Нет, нет! — тут же возразил Боэмондо. — Я хочу, чтобы тебе заплатили немедленно! Сколько ты вешишь?

— Раздетый или в одежде? — уточнил Густав.

— В одежде, в одежде. Мало того, вот возьми ещё мою королевскую мантию, да и корону забирай. А вы, — обратился он к придворным, — давайте сюда свои плащи. И ты вот, снимай сапоги!

Когда Густав, едва ли не погребённый под этой грудой роскошных одежд, расшитых золотом и серебром, встал на весы

и хотел было назвать цифру, возле которой замерла стрелка, Боэмондо жестом остановил его:

— Помолчи! Пусть это сделает моя статуя!

Густав закрыл рот, а весы произнесли:

— Сто шестьдесят килограммов девятьсот пятьдесят шесть граммов. И ещё вес Густава — сто сорок килограммов.

— Сложите, — приказал Боэмондо. — Сколько получилось?

— Триста килограммов девятьсот пятьдесят шесть граммов, — произнесли весы.

— Отлично! Сейчас же принесите сюда столько золота!

— Справедливый Боэмондо, — произнёс вдруг голос, — не кажется ли тебе, что ты что-то забыл?

— Что же, о моё подобие, о мой совершенный портрет?

— Ты — Справедливый, — продолжал голос, — но я хочу, чтобы ты слыл ещё и Великодушным. Добавь к золоту телегу, чтобы погрузить его, и четвёрку быстрых коней из твоих конюшен.

— Да будет так! — приказал Боэмондо. — Все слышали? Отныне меня следует называть Справедливым и Великодушным!

В считанные минуты золото взвесили и погрузили в телегу. Коней, выбранных самим королём, впрягли под его личным наблюдением. Боэмондо сам помог Густаву забраться в телегу, расцеловав в обе щёки. Густав сел на ящик с золотом, поднял в знак приветствия кнут, хлестнул лошадей и, рванув поводья, исчез под аплодисменты присутствующих в облаке пыли.

— Быстрее, быстрее! — тут же заторопился Боэмондо, потирая руки. — Пойдёмте поговорим с моей статуей. Хочу спросить у неё совета, на кого лучше напасть для начала — на Брисландию или на Мировию.

Когда весь двор собрался вокруг весов, король откашлялся и заговорил:

— Скажи-ка мне, Боэмондо... Кстати, имей в виду, что теперь я буду называть тебя Боэмондо, потому что ты — это я, а я — это ты... Так вот, скажи-ка мне, Боэмондо: какую страну я завоюю прежде — Брисландию или Мировию?

Наступила тишина, какая бывает лишь в тех случаях, когда слышны только удары собственного сердца. Сердце короля стучало, как боевой барабан. Но весы молчали. Стояли себе, огромные, тяжёлые — серая металлическая площадка,

коромысло с делениями и цифрами, медные гири, — стояли молча, как и любые другие весы, как самый обыкновенный неодушевлённый предмет, который даже не подозревает о своём существовании.

— Боэмондо, — сказал король, хлопая в ладоши, — не отвлекайся! Я же разговариваю с тобой. Ты слышишь меня?

Никакого ответа.

— Боэмондо, послушай, — нетерпеливо произнёс король, — ты что, решил поиграть в прятки?

Но весы молчали. А придворные зашептались:

— Странно, мы же своими ушами только что слышали, как они говорили!

— Ну да, все слышали!

— И произносились какие-то невероятные вещи!

— Молчать! — загремел король. — И вообще вон, вон отсюда! Наверное, Боэмондо хочет говорить только со мной, по секрету. Он хочет открыть мне какие-то тайны, которые вы не должны знать. Не так ли, Боэмондо?

Весы ничего не ответили, и король истолковал молчание как знак согласия. Придворные поспешили покинуть зал.

Когда они ушли, Боэмондо начал ласково упрашивать весы. Он умолял их и заклинал ответить. Даже опустился перед ними на колени. Но весы оставались безучастными к его просьбам. И понятно, ведь это были самые обыкновенные весы.

Решив привести в исполнение свой план, Густав купил их накануне вечером за несколько монет у булочника. Вы ведь уже знаете, что Густав — шарлатан, зубодёр, музыкант и так далее — оказался ещё и чревовещателем, иными словами, умел говорить с закрытым ртом, причём казалось, будто звук доносится извне. Так он заставил говорить и свою «статую», то есть весы.

Когда же король наконец понял, что его обманули, и приказал схватить Густава и доставить его живым или мёртвым, шарлатан уже пересёк границу на своей великолепной телеге, запряжённой четвёркой коней.

Вот почему в учебниках истории короля Мурландии Боэмондо Третьего никогда не называют ни Справедливым, ни Великодушным, а только Одураченным.

КОРОЛЕВСКАЯ ГИТАРА

Жил однажды король — очень могущественный, но не очень умный. Вы, конечно, читали историю про его новое платье — про то, как два мошенника сшили ему наряд из несуществующей ткани и как король оказался голым.

А вот историю про гитару этого же самого короля, насколько мне известно, ещё никто никогда не рассказывал. Вот её-то я и поведаю вам.

Случилось это очень давно, в ту пору, когда в моду вошла гитара, причём так широко, что каждые девяносто человек из ста часами бренчали на ней и щипали её струны, а остальные десять делали то же самое, только втайне.

На гитаре играли старики, дети, мусорщики, адвокаты, женщины, кучера, старьёвщики. На гитаре играли слуги короля, министры короля, дети короля, супруга короля. Но только не король. Сколько он ни бился, ничего у него не получалось! Сколько ни ломал ногти о струны, гитара издавала лишь фальшивые звуки, от которых содрогнулся бы даже бегемот. Что тут поделаешь! Как говорят в таких случаях — медведь на ухо наступил!

Король приглашал одного за другим учителей музыки и щедро платил им золотом — те обогащались, а король так ничему и не мог выучиться. Правитель вздумал было пригрозить им смертной казнью — учителя разбежались, а он и вовсе терял надежду чему-нибудь научиться.

— Что же это такое?! — возмутился король, швырнул на пол парик и принялся топтать его, словно хотел выдавить сок для вина. — Выходит, в моей стране один лишь я не могу играть на гитаре, а все остальные только и делают, что бренчат на ней с утра до вечера! А раз так, раз не могу играть я, значит, никто не должен делать этого! Отныне в моём королевстве запрещается играть на гитаре! А если узнаю, что кто-то нарушает мой приказ, велю отрубить пальцы.

— Бррр! — содрогались люди, целуя каждый свой пальчик по отдельности — большой, указательный, средний, безы-

мянный и мизинец. — Лучше распрощаться с музыкой, чем с вами, дорогуленьки наши!

И пошло — кто засовывал гитару в шкаф, кто прятал на чердаке, кто укрывал в винном погребе в ожидании лучших времён. А некоторые, и таких оказалось немало, даже вышли на улицы и площади и сожгли свои гитары, позаботившись о том, чтобы королевские стражники обратили на это внимание.

— Мы верные подданные, не так ли? — говорили они стражникам. — Видите, мы исполняем приказ короля!

Всегда находятся люди, которые очень стараются показать властям своё усердие. Или, как ещё говорят в таких случаях, хотят быть святее папы римского. Только стражники и не слушали их. Они сами любили играть на гитаре, и для них запрет короля тоже оказался всё равно что удар кулаком в челюсть.

Нашлись и строптивые, которые не захотели выполнять указ короля. Но если стражники обнаруживали, что они, заткнув все щели в окнах, дверях и стенах, осторожно перебирают любимые струны, приходили ночью за ними и до исполнения приговора отправляли в тюрьму.

Жили в этом городе двое юношей — два друга Пуп и Поп. Конечно же эти славные парни тоже любили играть на гитаре. И конечно, мысль сжечь свои инструменты они не подпускали даже на другой конец улицы, где жили. Чтобы по-прежнему получать удовольствие от игры на любимом инструменте, друзья вырыли яму под стогом сена, далеко в поле, и по вечерам уходили туда, притворяясь, будто пошли ловить кузнечиков.

— Повезло же кузнечикам, — смеялись они, — могут играть на своей природной гитаре сколько угодно, не опасаясь, что лишатся лапок.

Однажды вечером, отведа душa всякими аккордами, арпеджио и стаккато, Пуп сказал своему другу:

— Знаешь, что я думаю?

— Догадываюсь. Думаешь, что хорошо бы разбить гитару о голову короля.

— Нет. Мне жаль её.

— Голову короля?

— Гитару, дуралей! А вот короля хорошо бы проучить как следует!

— Отрезать ему палец во сне.

— Мало!

— Два пальца!

— Тоже мало!

— И что же делать? — Пуп объяснил, и Поп одобрил.

На следующее утро друзья пришли во дворец с большим пакетом под мышкой и попросили у короля аудиенцию.

— Мы принесли подарок.

— Какой подарок? — Камергер подозрительно посмотрел на них. — Уж очень вы смахиваете на мошенников...

— Кто? Мы? Да мы же Пуп и Поп, мастера-краснодеревщики. Нас любая собака знает в округе.

— Посмотрим... — ухмыльнулся камергер, но всё-таки доложил королю: — Ваше величество, пришли Пуп и Поп, говорят, что принесли вам подарок...

— А, это славные ребята! Впустите их!

— Видите ли, ваше величество,— начал Пуп, — как бы это вам сказать... Только сначала отошлите придворных и пообещайте не сердиться и выслушать всё до конца.

— Оставьте нас одних! — приказал король. — Ну вот, все ушли. Так в чём дело?

— Ваше величество, — сказал Пуп, — мы принесли вам гитару!

— Что?! — Изумлению короля не было предела.

— Ваше величество, вы обещали не сердиться.

— И выслушать всё до конца.

— Ладно, обещал. Но берегитесь, если вздумали посмеяться надо мной!

— Что вы, ваше величество! — воскликнул Поп. — Не видите разве, какие красивые головы сидят на наших плечах? Неужели вы думаете, что мы хотим отдать их палачу? А гитара эта особая! Она сама играет! Не нужно учиться музыке и ни к чему учителя!

— Мало того, — добавил Пуп, — эта гитара настолько необычна, что играет без струн.

— Без струн? Да вы с ума сошли!

— А вы сами послушайте, ваше величество.

— Но это ещё не всё, — продолжал Поп, — гитара может звучать как разные инструменты — рояль, скрипка, фисгармония, даже барабан.

— Это невозможно! — не поверил король. — Впрочем, хватит болтать! Дайте послушать, и если всё это враки, поплачьте головой!

Поп развернул пакет и показал королю гитару — без струн, потому что он сам снял их утром.

— Ваше величество, — торжественно объявил он, — я исполню сейчас «Фантазию Свистящего Шелкопряда».

— Название довольно необычное, — заметил король.

Поп взял инструмент, положил ладонь на то место, где должны находиться струны, и... необыкновенная музыка заполнила зал. Каскад звуков вырвался наружу через двери и окна, и люди высыпали на улицу...

Кто это играет? Кто играет?

Повар спросил поварёнка, поварёнок — слугу, слуга — мажордома, мажордом — камергера, камергер — королеву. Королева, даже не постучав, вошла в тронный зал и увидела... Увидела своего мужа, короля, который играл на гитаре без струн, и та звучала, как целый оркестр!

— Ваше величество!

— Идите сюда, идите, дорогая королева! Теперь никто больше не посмеет сказать, что у меня нет слуха! Никто не скажет, что я не могу играть на гитаре! — ликовал король. — А вы, камергер, чего ждёте? Сообщите немедленно об этом по всей стране! Скажите, что теперь всем опять разрешается играть на гитаре, что я приказал освободить заключённых. А завтра утром пусть народ соберётся в королевском парке и каждый принесёт гитару. Состоится большой музыкаль-

ный конкурс. В нём примет участие сам король. И посмотрим, кто победит!

Аплодисменты заглушили его слова и последние аккорды «Фантазии».

— Да здравствует король, отец отечества и гитары!

— Спасибо, благодарю вас, — пробормотал король, растрогавшись до слёз. — А вы оба, дражайшие Пуп и Поп, просите что угодно! Вы осчастливили меня и имеете право на вознаграждение.

— Нам ничего не нужно, ваше величество! — сказал Пуп.

— Совершенно ничего! — эхом откликнулся Поп.

— Мы же вам сразу сказали — это подарок.

— Верно, сказали. Но я не могу допустить, чтобы вы ушли с пустыми руками. Камергер! Наполните их карманы золотом. И шапки тоже, и гитару! Хотя нет, — спохватился король, — гитара теперь моя.

— Конечно, ваша, — поспешил добавить Пуп, — только нам надо бы взять её домой сегодня на вечер.

— Мы хотим кое-что переделать в ней, — объяснил Поп. — Вы же заметили — не очень чисто звучит контрафагот.

— Да, да, заметил, как же! — согласился король, чтобы не ударить в грязь лицом. — И гобой тоже фальшивил иногда.

— Это прозвучал «Свистящий Шелкопряд», — ответил Пуп, — но вы правы, он фальшиво свистел.

— На полтона, — рискнул заметить король.

— Совершенно верно! На полтона! — поддержал Поп.

Его величество расплылся в улыбке и подумал: «Ах, как же быстро я научился разбираться в музыке!»

— Хорошо, — сказал он, — возьмите инструмент на вечер. Но завтра утром смотрите не опоздайте на конкурс.

— Ни в коем случае, ваше величество!

И тут самые смекалистые слушатели скажут: «Стоп! Мы уже знаем, чем закончится эта история! Пуп и Поп с полными шапками и карманами золота удерут за границу и будут себе жить там припеваючи».

Нет, история эта заканчивается не так.

«Ах да, конечно! Мы догадались! На конкурсе король будет играть на гитаре без струн. Никто ничего не услышит, но ему всё равно присудят первое место, чтобы он не сердился».

Нет, и это неверно.

На другое утро гитара снова исполнила «Фантазию Свистящего Шелкопряда». Народ слушал, открыв от изумления рот, и самые видные музыканты с восторгом заявили, что никто никогда не играл лучше короля. А он, счастливый и довольный, велел раздать всем золотые монетки и жареные орешки. Пуп и Поп получили две дюжины галстуков.

А всё дело в том, что парни эти славились не только как отличные краснодеревщики, но и как замечательные электротехники. Поп смастерил крохотный — со спичечный коробок — магнитофон и спрятал его в корпусе гитары. Когда король брал в руки инструмент — а брал его только он, и горе тому, кто осмелится дотронуться до королевской гитары! — магнитофон включался.

Словом, это оказалась какая-то электронная чертовщина, и объяснить её устройство я не берусь. Король ничего не заметил, потому что, как уже сказано, умом не отличался.

Вечером накануне концерта Пуп и Поп забирали гитару домой, чтобы запаять какой-нибудь оборвавшийся проводок. Королева, камергер и даже придворный повар — а они были поумнее короля — подозревали, что тут кроется какая-то хитрость, впрочем, как и в тот раз, когда случилась история с новым платьем. Только королю лучше и не говорить ничего дурного про его гитару. Он сразу же начинал возмущаться:

— Это всё зависть! Вы злитесь, потому что вынуждены признать: я играю лучше! Вы хотите, чтобы кроме вас никто больше не умел играть на гитаре!

Когда же он оставался один, то начинал сожалеть, что может исполнять только «Фантазию Свистящего Шелкопряда».

— Хорошо бы ещё научиться играть «Санта Лючию», — бормотал он. — Но ничего не поделаешь. Ведь я только учусь. Немного погодя снова позову этих славных парней, и они научат меня ещё чему-нибудь.

Вот так и случилось, что Пуп и Поп смогли опять сколько угодно играть на своих гитарах. Когда сильные мира сего хотят, чтобы над ними посмеялись, нужно удовлетворить их желание.

Если же теперь кто-нибудь скажет: «Но ведь короля собирались проучить, а вышло наоборот...» — я на это отвечу так: нет большего наказания для невежды, чем оставить его в убеждении, будто он самый умный и самый образованный человек на свете, потому что в таком случае он останется невеждой навсегда.

СОЛДАТСКАЯ ГАРМОНИКА

Шёл однажды с войны солдат, шёл задумавшись, и мысли у него в голове теснились невесёлые: «Столько лет провёл я вдали от родного дома, столько пережил опасностей, сотни раз смотрел смерти в лицо, а теперь вдобавок потерял все свои деньги — не заметил дырку в кармане! Ну можно ли быть несчастнее!»

И тут увидел он старичка, сидевшего на камне возле дороги. Старичок протянул руку и попросил:

— Не подашь ли, солдатик, хоть сольдо?

Солдат рассердился:

— Ты что, смеёшься надо мной? Спорим, если вывернуть наши карманы, ты окажешься богаче меня!

— Спорим! — согласился старичок. — И разделим всё, что найдём, пополам, идёт?

— Идёт! — засмеялся солдат. Он не сомневался, что выиграет спор. «У меня ничего нет, — думал он, — а у него, раз он просит милостыню, хоть несколько монет да найдётся».

Старичок вывернул свои карманы — в них оказалась только маленькая губная гармоника.

Солдат пошарил у себя в карманах брюк, куртки и вдруг в одном из них обнаружил серебряную монету.

— Откуда она взялась? — удивился он. — Весёленькая история! Уже два дня хожу голодный — потерял деньги, а тут, видите ли, лежит целое богатство.

— Ну, что, — усмехнулся старичок, — видишь, я прав.

— Не знаю, что и сказать тебе, — ответил солдат. — Но договор есть договор. Давай делить пополам. Вон вдали я вижу остерию. Пойдём туда, перекусим, и я отдам тебе, что полагается.

Пошли в остерию, поели, попили. Старичок сыграл на гармонике песенку. Словом, стало им обоим повеселее. И, прежде чем отправиться дальше, солдат предложил:

— Вот всё, что осталось. Возьми себе все деньги, а мне и так хорошо.

— Нет, нет, это слишком много. Поделим поровну, как решили.

— Сказал бери, значит, бери. Вечером я уже буду дома и как-нибудь обойдусь.

— Ладно, пусть будет по-твоему. Но взамен возьми мою гармонику.

Солдат сунул гармонику в карман, попрощался со старичком и ушёл. Вечером он свернул с дороги в лес, чтобы собрать немного ежевики, и вдруг наткнулся на трёх разбойников, прятавшихся в кустах.

Испугался солдат, а разбойники, оглядев его с ног до головы, со злобой сказали:

— А ну-ка, солдат, проваливай отсюда, да побыстрее! Видно, что в кармане твоём дыра и взять с тебя нечего. Иди, иди подобру-поздорову!

Солдат поспешил прочь. Выйдя на дорогу, он заметил приближающийся дилижанс. Кучер хлестал лошадей, звенели колокольчики, и никто из пассажиров, конечно, не подозревал, какая их ждёт опасность.

«Сейчас разбойники нападут на дилижанс, — с тревогой подумал солдат. — Но что я могу сделать? Да и что мне до этого?»

Он сунул руки в карманы, напустив на себя равнодушный вид, и вдруг нащупал гармонику.

«Вот и кстати, — решил солдат, — так и пойду дальше, наигрывая на гармонике».

Он поднёс её к губам и заиграл весёлую песенку. И как раз в это время разбойники выскочили из-за кустов с оружием в руках и заорали:

— Стоп! Ни с места! Кошелёк или жизнь!

Кучер остановил лошадей. А солдат между тем продолжал играть, притворившись, будто ничего не замечает. И тут произошло что-то странное — разбойники вдруг растерялись, переглянулись, словно не зная, что делать, а потом все трое галантно раскланялись перед дилижансом.

Один из них быстро сорвал несколько маргариток и преподнёс букет перепуганной синьоре, выглядывавшей из окошка.

— Моё почтение, уважаемая синьора! — сказал он.

Тогда и другие разбойники принялись собирать цветы и дарить их женщинам. Мужчин они угостили вином из своих фляжек, ошеломлённому кучеру дали скудо, при этом не переставая кланяться и приветствовать путешественников.

«Странные какие-то разбойники, — подумал солдат, продолжая играть. — Ещё минуту назад мне казалось, они готовы были убить меня. Ну да ладно, какое мне до них дело!»

Дилижанс отправился дальше, а разбойники ещё долго приветливо махали ему вслед шапками.

К вечеру солдат добрался до своего села. И на самой его окраине увидел драку. Двое мужчин кидались друг на друга с ножами — вот-вот убьют один другого. Солдат снова поднёс гармонику к губам.

«Не моё это дело, — решил он, — только не хочу, чтобы завтра меня вызывали свидетелем. Я иду своей дорогой и ни во что не хочу вмешиваться».

Но как только драчуны услышали звуки гармоники, сразу же побросали свои ножи и кинулись в объятия друг другу. Они обнимались, целовались и клялись в вечной дружбе.

«Всё хорошо, что хорошо кончается!» — подумал солдат. Он пришёл домой очень довольный, обнял жену и детей и,

поужинав, собирался провести вечер в кругу семьи у очага, как вдруг пришла соседка и потребовала вернуть её петушка.

— Откуда я знаю, где бродит твой петушок! — ответила ей жена солдата.

— Но это же ты украла его!

— Я? Да ты думаешь, что говоришь?!

— Ты воровка и обманщица!

Женщины уже собрались было перейти от слов к делу, то есть к драке, но вдруг услышали звуки гармоника. В то же мгновение соседку будто подменили:

— Дорогая моя!.. Милая моя!..

Она не переставала извиняться. Лучших подруг, казалось, не найти на всём белом свете.

Теперь-то солдат догадался, в чём дело. Гармоника, которую ему подарил старичок, оказалась волшебной: кто слышал её, сразу же становился добрым и вежливым, даже если минуту назад готов был убить родного брата.

«Не гармоника, — усмехнулся солдат, — а миротворец какой-то!»

Открытие это очень обрадовало его. Он решил никому ничего не говорить, опасаясь, что гармоника вдруг потеряет свою силу, и тогда над ним станут смеяться. Однако при каждом удобном случае он пускал в ход свой волшебный инструмент.

А вскоре он ещё больше удивился. Оказывается, гармоника не только помогала сразу же положить конец всем ссорам и пререканиям, превращая грубые, злые слова в добрые и приветливые, но раз и навсегда меняла характер тех, кто хоть однажды слышал её. Ну а родные и знакомые только диву давались, не понимая, почему происходит такое превращение.

«Когда в родном селе все люди станут добрыми и великодушными, нужно будет пойти с моей гармоникой и по другим сёлам, чтобы полечить людей, — придумал солдат. — Только что сказать жене? Как объяснить ей, почему уйду?»

Тогда он приобрёл тележку, накупил разных товаров — нитки, иголки, ленты, кружева — и стал бродить по всей округе. И куда бы ни пришёл солдат, сразу же начинал играть на гармонике. Женщины смеялись:

— Хитёр кум! Веселит своей музыкой, чтобы нам легче было выкладывать денежки!

Он тоже посмеивался, но покидал село, только обойдя все улицы и сыграв хотя бы маленькую серенаду в каждом дворе, у каждой изгороди, у любого балкона — всюду, где его могли услышать.

Побывав во всех окрестных сёлах, солдат решил отправиться в город. Он впервые оказался в городе и не подозревал, что в нём так многолюдно и шумно.

С грохотом носились по рельсам трамваи, а машины словно гонялись друг за другом по улицам, лишь иногда замирая перед светофором.

Свою тележку солдат оставил во дворике на окраине и теперь брёл по городу в полной растерянности. Иногда он подносил гармонику к губам и пытался наиграть песенку. Только теперь ему почему-то приходили на память печальные и грустные мотивы. Негромкий звук гармоники терялся в шуме уличного движения. Хорошо, если музыку услышат хотя бы некоторые пешеходы из тех, что толкают его на каждом шагу.

«Вот этот человек извинился. Должно быть, он услышал гармонику». А некоторые, приняв солдата за нищего, торопливо совали ему в руку монету.

«Ладно, помогу хоть тем немногим, кто услышит меня», — решил солдат. Но от отчаяния у него опускались руки. Прекрас-

ный план изгнать из мира зло, насилие, несправедливость, всё, что только есть дурного, казался ему теперь неосуществимой мечтой, наивной и детской, возникшей когда-то очень давно, в совсем другой жизни.

Однако вскоре судьба улыбнулась ему. В то время один режиссёр телевидения ездил по городу, отыскивая необычных людей, которых задумал пригласить в свою передачу.

— Понимаете, — убеждал он начальство, — в современном городе тоже можно найти немало людей, которые словно сошли со страниц старинных книг. Например, точильщик или трубочист. Или нищие, которых, как и в старину, сопровождают учёные собаки с шапкой в зубах. Или бродячие музыканты, играющие на дудочке, окарине или цитре. Всем непременно будет интересно посмотреть на них и послушать!..

— Ладно, делайте передачу, но не больше двадцати минут... — согласилось руководство.

Вот почему солдат вдруг услышал обращённый к нему вопрос:

— Не хотите ли выступить с вашей гармоникой по телевидению?

Солдат даже не знал, что это такое — телевидение, и попросил объяснить. А когда понял, о чём идёт речь, очень обрадовался, потому что у него возникла отличная мысль.

— Вы говорите, меня услышат миллионы людей?

— Миллионы. По всей стране. А вы сыграете печальную песенку, которую я только что слышал. И при этом вам ещё неплохо заплатят.

— Что? Нет, мне не нужны деньги. Я и так рад сыграть. Просто счастлив буду сделать это!

По какому-то совпадению — как это получилось и почему, слишком долго объяснять — на следующий вечер ожидалось открытие Всемирного телевидения.

Каждой стране отводилось в этой большой передаче ровно пять минут. Руководители телевидения, взглянув на солдата с его губной гармоникой, решили, что будет, пожалуй, очень оригинально показать в эти пять минут именно его.

— Такого сюжета не будет ни у кого! И все позавидуют нам!

— Прекрасная мысль! Кто знает, что придумают американцы и русские, чтобы удивить зрителей. А потом выйдем мы и покажем этого человека с крохотной гармоникой. Она ведь еле слышна и поэтому по меньшей мере два миллиарда человек должны будут сидеть, затаив дыхание, чтобы расслышать её! Ах, как это поэтично! Поверьте, будет большой успех! — радовались начальники.

Солдат понимал только одно — его гармонику услышат во всех концах света, и тогда повсюду исчезнут злоба, ненависть, насилие и на всех континентах воцарятся дружба и мир. Какой прекрасный случай!

Сердце его застучало громко-громко, словно барабан.

— Успокойся! — приказал он себе. — Иначе не сможешь сыграть.

А потом... Потом произошёл просто нелепый случай. Свой драгоценный инструмент солдат не решался носить в кармане — вдруг потеряется, как потерялись когда-то деньги. Поэтому всё время держал его в руках.

Когда же он садился вместе с режиссёром телевидения в машину, чтобы отправиться в студию, тот нечаянно толкнул его, и солдат выронил свою гармонику. Она ударилась

о дверцу машины, отлетела в сторону и провалилась в водосточный люк.

Можно представить, в какое отчаяние пришёл солдат. Он бросился на землю, сунул руку между прутьями решётки, накрывавшей люк, но... Глубоко-глубоко внизу в темноте еле заметно поблёскивала вода.

— Скорее, скорее! — торопил его режиссёр. — Что вы там ищете? Поехали, а то опоздаем!

С тех пор прошло много лет. Но солдат до сих пор ищет свою волшебную губную гармонику. Он бродит по страшным лабиринтам канализационных туннелей, преодолевая отвращение и сражаясь с крысами. Он обошёл уже все подземелья города. Напрасно. Крохотный инструмент по-прежнему лежит где-то и ржавеет. Солдат выбился из сил, постарел.

— Помогите мне, — просит он, — помогите найти мою гармонику! Вы ведь не знаете...

Люди смеются ему прямо в лицо:

— А что, она золотая? Или, может, усыпана бриллиантами?

— Память о бабушке?

Солдат горестно качает головой. И снова отправляется на поиски. Он не имеет права уставать.

Не имеет права уставать и терять терпение человек, который может сделать мир лучше и добрее.

ПУГОВКИН ДОМИК

Жил однажды плотник, которого все звали Пуговкой. Может быть, его звали ещё Джакомо или Наполеон, но Пуговкой прозвали так давно, что теперь никто уже и не помнил настоящего имени, даже он сам.

Жил он в бедном-пребедном селе, где у людей не находилось денег на новую мебель. И если в этом году кто-нибудь заказывал ему стол и четыре стула, то в следующем только табуретку.

— А шкаф вам не нужен?

— Это же очень дорого!

— А комод?

— Нет, комод мне не по карману!

— А вешалка?

— Хорошо бы, конечно, только что на неё вешать?

Всю одежду, какая имелась, люди носили на себе.

Как-то Пуговка подумал: «Надо, пожалуй, перебраться в какое-нибудь другое село. Но на новом месте придётся купить дом или взять его внаём. Нет, лучше я сам построю его, по-

ставлю на колёса и буду возить с собой, куда захочу. А когда разбогатею, женюсь. А женюсь — отдам домик детям, пусть играют в нём».

Решив так, Пуговка принялся за работу. Он слыл очень хорошим плотником, дело своё любил и не боялся ударить молотком по пальцу.

Надо вам сказать также, что Пуговка очень худенький и ростом вышел очень маленький, стало быть, и дом ему понадобился совсем небольшой. Таким он его и построил — умещались в нём только сам плотник, молоток да рубанок. А вот пила уже не поместилась — пришлось повесить её на гвоздь снаружи возле двери.

Над входом Пуговка написал своё имя. Потом поставил домик на колёсики и приделал к нему оглобли, чтобы удобнее тянуть на себе.

— Смотрите-ка, смотрите! — потешались над ним люди. — Пуговка построил дом с ручками!

Но Пуговка притворялся, будто ничего не слышит. А когда отправился в путь, потащив на себе домик на колёсиках, люди стали смеяться:

— Смотрите, смотрите, какой у Пуговки «мерседес»! А бензин куда заливать станешь? Бака-то нет! Может, пить его будешь? Ха-ха-ха!

Пуговка лишь помахал на прощание шапкой и ушёл.

Домик получился лёгкий. На спусках Пуговка садился на него, словно в тележку, и катился под горку.

Так шёл он и ехал, пока не настал вечер, и тогда Пуговка решил остановиться прямо на дороге.

— Переночую тут, — решил он, — за день я проделал немалый путь.

А ночью его разбудила гроза. Проливной дождь барабанил по крыше, всё небо озарялось яркими молниями.

— Слышишь, как гремит? — сказал сам себе Пуговка.

И вот среди раскатов грома ему послышался стук. Кто-то стучал в дверь и просил:

— Открой, пожалуйста, Пуговка!

— Кто там?

— Я промок насквозь! Впусти меня!

— Попробуй войди, — произнёс Пуговка, открывая дверь. — Я строил этот домик для себя одного, но если и ты поместишься, буду рад.

— Где есть место для одного, хватит и для двоих!

С этими словами в домик вошёл старичок.

— Видишь, хватило места и для меня, — произнёс он, отжимая бороду, с которой ручьями стекала вода.

— Вижу. А кто ты такой?

— Не узнаёшь? Да я же твой дядюшка Карамелла. Один я остался на всём белом свете, некому позаботиться обо мне, некому накормить, вот и вспомнил о тебе. Но как же огорчился, когда узнал, что ты покинул село. По счастью, ребята видели, в какую сторону ты пошёл, и показали мне... Ты построил новый дом? Выходит, дела у тебя идут хорошо?

— Хорошо, — вздохнул Пуговка.

— Молодец, рад за тебя, — продолжал дядюшка Карамелла. — А теперь извини, я очень устал. Поговорим завтра утром.

— Спокойной ночи, дядюшка, — пожелал Пуговка.

Сам, однако, уснуть не мог. «Бедный старик, готов поспорить, что он и не ужинал сегодня. Совсем как я», — сокрушался Пуговка.

А за окном всё грохотал гром. Но, кажется, кто-то опять стучит в дверь?

— Откройте, пожалуйста! Откройте! — слышался жалобный голос.

— Кто там?

— Бедная женщина с тремя ребятишками. Гроза застала нас в пути, и нам негде укрыться.

— Входите, — пригласил Пуговка, открывая дверь, — если сможете. Ведь я строил этот домик для себя одного, но если и вы поместитесь, буду рад.

— Там, где есть место для двоих, хватит и на троих. А детей я подержу на руках.

Женщина вошла, а следом и её дети — все поместились.

— Спасибо вам большое! — поблагодарила она. — Как у вас хорошо тут!

— Извините, но куда же вы отправились в такую непогоду? — спросил Пуговка.

— Шла куда глаза глядят, — ответила женщина и заплакала. — Вдова я. Мне нечем платить за жильё, вот хозяин и выгнал нас на улицу. Что-то с нами дальше будет?

— Ну, пока не тревожьтесь. Отдыхайте!

Сам Пуговка, однако, по-прежнему не мог уснуть и думал: «Бедняжка! Несчастные дети! Готов поспорить, что они и не ужинали сегодня! Совсем как мы с дядюшкой Карамеллой».

А гроза всё не кончалась. Дождь лил как из ведра. Гром перекатывался от одного края неба до другого. В дверь то и дело стучал кто-нибудь, прося укрытия, и Пуговка впускал всех со словами:

— Где есть место для пятерых, найдётся и для шестерых... Где есть место для шестерых, хватит и для семерых... Где есть место для одиннадцати, хватит и для двенадцати...

Так в Пуговкином домике набралось много народу: лесник, у которого горный поток снёс хижину, двое парней, которые покинули родное село и собрались за границу искать работу, несчастный старик, которого прогнали из дому, потому что он уже ничего не мог делать, королевский слуга, которого выставили за ворота, потому что он заболел и мажордом отказался лечить его...

А на рассвете, когда небо ещё было мрачное и тёмное и гром грохотал пуще прежнего, кто-то так сильно забарабанил в дверь, что домик задрожал.

— Откройте! — приказал чей-то властный голос.

«Мог бы добавить “пожалуйста”», — недовольно подумал Пуговка. Но всё равно открыл дверь и увидел перед собой...

— Впусти меня!

— Да это же...

— И коня моего тоже!

Нет никакого сомнения... Мантия хоть и промокла, но корона при свете молний сверкала как новенькая. Да-да, это оказался король.

— Где есть место для двенадцати, найдётся и для тринадцати, — пробормотал Пуговка, кланяясь королю.

А про себя добавил: «А где есть место королю, найдётся и для его коня».

Король вошёл и осмотрелся.

— Снаружи, — сказал он, — твой домик кажется таким маленьким...

— Действительно, — объяснил Пуговка, — я строил его для себя одного.

— А какое дерево использовал?

— Каштан, ваше величество.

— Каштан — не резина. Что-то здесь, видимо, не так!

— И слава богу, что не так, — ответил Пуговка, — иначе как бы тут поместилось столько народу!

Его величество король Бернардино Четвёртый задумался.

— Может быть, — промолвил он наконец, — дело не в том, из какого дерева построен домик, а в том, как устроен?

— Что вы хотите сказать?

— Сердце само по себе маленькое, величиной с кулак. Но если человек захочет, он может вместить в него всех людей на свете и даже ещё много места останется. Видно, твой дом устроен так же, как доброе сердце.

Пуговка промолчал.

— А что это за люди? — спросил король, указав на спящих.

— Ну, это вот дядюшка Карамелла, это вдова с детьми, это...

Пуговка про всех рассказал королю, и тот, слушая его, становился всё мрачнее. А когда увидел больного слугу, стонавшего во сне, снял свою корону, словно та неожиданно стала слишком тяжёлой.

— Я думал, что я хороший король, — вздохнул он, — а вот, оказывается, сколько в моём королевстве несчастных людей. Что я сделал для них? Гораздо меньше, чем ты. Ты хотя бы приютил их на ночь. Выходит, мне пора отправляться...

— В такой дождь, ваше величество?

— Нет, я не то хотел сказать. Пора отправляться на пенсию! Если человек не умеет управлять страной так, чтобы его подданные жили счастливо, лучше снять корону. — Он подумал

немного и добавил: — Впрочем, я, пожалуй, ещё кое-что могу сделать. Когда кончится дождь, пусть все эти люди придут ко мне. Ты, насколько я понял, хороший плотник, и во дворце у тебя не будет недостатка в работе. Подумаем и об остальных. Больного вылечим. Кому нужна работа — найдём. А ты взамен отдашь мне свой домик на колёсиках, и я буду ездить в нём по всей стране и разыскивать людей, которым нужна моя помощь. Согласен?

Неизвестно, что хотел ответить Пуговка, потому что как раз в это время раздался автомобильный гудок. Оказывается, ночью домик отнесло ветром на середину дороги, и он преградил путь машинам.

— Эй вы там! — закричал водитель автобуса, который тоже не мог проехать. — Проснитесь! Сдайте в сторону!

А пассажиры выглядывали в окна и смеялись:

— Да это же Пуговкин домик!

— Неужели?

— Проснись, Пуговка!

Пуговка вышел из домика и обрадовался, увидев, что дождь наконец кончился. Следом за ним вышел дядюшка Карамелла, расчёсывая свою бороду. За дядюшкой Карамеллой вышла вдова с ребятишками, самый маленький из них выбрался на четвереньках.

— Да это не дом, — смеялись в автобусе, — а цилиндр фокусника! Вот увидите, под конец появится белый кролик!

А люди всё выходили и выходили из домика.

— Но как же все уместились в нём? Вы ведь не плоские, как сардины! — удивлялись пассажиры.

— Смотрите, даже конь там ночевал! Белый конь! Не какой-нибудь белый кролик!

А следом за конём вышел король. Тут все сразу притихли. Водитель поклонился так, что едва спина не сломалась.

— Ну так вот, — сказал король, — пусть все эти добрые люди сядут в автобус. За билеты плачу я. А Пуговкин домик возьмите на буксир. Я же поеду следом за вами на коне и скажу, где остановиться.

Если в учебниках истории пишут правду, то это оказался первый и, к сожалению, последний случай, когда автобус въехал в столицу с небывалым эскортом — в сопровождении короля на белом коне.

А Пуговка женился на вдове и, для того чтобы детишкам нашлось где играть, построил ещё один деревянный домик на колёсиках. Тоже очень маленький, но в нём свободно умещались все дети, какие только жили в городе, а если туда хотел забраться ещё и котёнок, то и для него находилось место.

КОРОЛЬ МИДАС И РАЗБОЙНИК ФИЛОНЕ

Король фригийцев Мидас получил от богов удивительный дар: всё, к чему бы он ни прикасался, превращалось в золото. Нетрудно представить, как пользовались этим придворные.

— Ваше величество, троньте, пожалуйста, вот эту палку!

— Этот ключ, ваше величество!

— Этот глиняный горшок, сир!

— Горшок? А что ты станешь с ним делать — с золотым горшком?

— Причуда моей жены, сир: она так мечтает об этом, что не даёт мне покоя ни днём ни ночью...

Король Мидас засмеялся, прикоснулся мизинцем к горшку, и он сделался золотым.

У королевского цирюльника накопилось немало золотых расчёсок, ножниц, бритв, мисок для сбивания пены.

Со всех концов королевства стекались ко дворцу огромные толпы людей, которые несли с собой разные вещи в надежде, что король Мидас превратит их в золотые.

Один глупец взвалил на плечи огромный камень, что лежал у него в саду, и несколько дней тащил его на себе в столицу, согнувшись в три погибели от непомерной тяжести.

Какой-то мальчик спросил его:

— А разве не проще было бы прийти сюда налегке и набрать камней в саду у короля?

Глупец очень удивился, что эта мысль не пришла ему в голову, и даже расплакался от огорчения. Мало того, у него пропало всякое желание получить золото, и он двинулся в обратный путь, снова взвалив на плечи свой огромный камень. На то он и глупец!

В то утро королю Мидасу, наверное, не слишком хотелось совершать чудеса. Так подумали придворные, толпившиеся у опочивальни в ожидании его величества, потому что король так и не вышел к ним.

Наконец в полдень, опасаясь, не заболел ли король, придворные осторожно заглянули в комнату. Кровать пуста. Король исчез.

А дело в том, что ночью короля Мидаса похитила шайка отчаянных разбойников. Возглавлял её разбойник по прозвищу Филоне. По-итальянски это имя означает плут, и оно вполне соответствовало главарю.

Этот коротышка, а вернее сказать карлик, славился дьявольской хитростью и оказался умнее всех других бандитов.

Из-за пропажи короля Мидаса во дворце поднялся ужасный переполох. А он в это время сидел со связанными руками и ногами в пещере у Филоне высоко в горах.

Его окружали пятеро грозных разбойников, вернее, шестеро, если считать и Филоне, который, однако, глядя на него, весело посмеивался.

— Так вот, король Мидас, — сказал главарь-карлик, — теперь ты наш гость!

— Если вам нужно золото, — ответил король, — стоило только встать в очередь на лестнице в моём дворце. Я каждое утро выхожу туда и прикасаюсь к вещам, которые приносят люди. Превращаю в золото кинжалы, ложки, подковы, детские игрушки — всё что угодно, и делаю это без всякого разбора.

— Верно, — ответил Филоне, — всё это так. Но у нас есть идея получше. Вместо того чтобы идти к фонтану со своим ведром, мы подумали: а почему бы не перенести этот фонтан к нам? Теперь ты в нашей власти, Мидас, и будешь работать только на нас! И нам не придётся больше разбойничать на дорогах, грабить богатые дома и рисковать жизнью ради какой-

то жалкой наживы. Король Мидас сделает нам столько золота, сколько нужно, и мы будем жить весело и припеваючи!

Разбойники расхохотались:

— Хорошо сказано, Филоне! Весело и припеваючи! Скорее развяжем руки нашему пленнику и посмотрим, такой ли он мастер творить чудеса, как про него рассказывают.

— Моя сабля! Пусть тронет мою саблю и превратит её в золотую! — потребовал один из разбойников.

— Дураки, — спокойно произнёс Филоне, не повышая голоса, — у вас пятерых ума не больше, чем у одной варёной курицы.

Разбойники покраснели, а главарь продолжал:

— Откройте уши и постарайтесь понять мой план. Если король Мидас тронет стены этой пещеры, она станет золотой. Может, даже вся гора станет золотой. А что потом? Что делать с целой горой золота в этой проклятой стране, где все знают нас, и потому мы вынуждены скрываться в лесу?

Разбойники почесали затылки, подумали и согласились:

— Ну... Что верно, то верно... Если отправимся в город и зайдём в тратторию, хозяин позовёт стражу, и привет!

Филоне усмехнулся:

— Вижу, начинаете отличать чёрное от белого... Вот что мы сделаем: захватим судно и уплывём за границу. В Египет, например. Там много больших городов, и никто нас не знает. Снимем просторный красивый дом с хорошим подвалом. Посадим туда Мидаса, и пусть делает для нас золото. Вы меня поняли?

— Да здравствует Филоне! — вскочив, закричали разбойники и даже заплясали на радостях.

— Значит, решили, — заключил карлик. — Уходим на закате. А теперь дайте мне что-нибудь поесть, а то я голоден.

— Я тоже проголодался, — сказал король Мидас, который до сих пор слушал, не проронив ни слова.

Филоне жестом приказал одному из разбойников развязать королю руки:

— Двое встаньте по сторонам с кинжалами наголо. И если вздумает бежать, пощекочите слегка, но не причиняйте особого вреда.

Мидасу развязали затёкшие руки, и он взял тарелку, которую поставил перед ним Филоне. Она тотчас превратилась в кусок золота.

— Вот это да! — воскликнули разбойники, разинув рты от удивления.

— Знаешь, давай без этих фокусов! — рассердился Филоне. — Если думаешь перетянуть на свою сторону моих людей, то плохо знаешь их. Они глупые, но преданные.

— Тем лучше для тебя, — ответил Мидас. — Но иначе я не могу: к чему ни прикоснусь, всё превращается в золото. И поэтому предупреждаю: тебе придётся кормить меня. Если сам возьму это куриное бёдрышко, оно станет золотым, а золото, как ты понимаешь, несъедобно.

Пришлось Филоне смириться и самому кормить короля. Он держал перед ним мясо, а Мидас с удовольствием откусывал и подмигивал:

— Вкусно! Хорошо прожарено! А попить ничего нет?

Филоне поднёс к губам короля кувшин.

— Отличное вино, — похвалил Мидас, — золотое! То есть я хотел сказать — превосходное! Золото ведь не выпьешь.

Разбойники посмотрели на главаря, желая понять, можно ли посмеяться этой шутке Мидаса. Но Филоне молчал, и они рискнули только хихикнуть.

— У меня мясо застряло в зубах, — сказал вдруг король. — Придётся тебе почистить их каким-нибудь прутиком.

Тут Филоне не выдержал и вместо ответа показал королю язык, как бы говоря: «Ну уж этого ты от меня не дождёшься!»

Мидас ловко воспользовался этим и успел коснуться высутого языка пальцем. Филоне взвыл от боли да так и остался с открытым ртом, из которого свисал... золотой язык.

— Я... а... а... — пытался что-то произнести Филоне, схватившись за свой язык обеими руками.

— Что ты сказал? — озабоченно поинтересовался король. — Не понимаю. Не странно ли? С золотым языком ты должен был бы говорить куда лучше, чем с прежним, и слова должны быть драгоценные, каждое ценой в лиру, не меньше.

Филоне упал на колени и в отчаянии молитвенно сложил руки, давая понять, что просит вернуть ему нормальный язык.

— Мне жаль, Филоне, — твёрдо сказал король Мидас, — но я не в силах тебе помочь. Я делаю только чистое золото. Если же тебе требовалось фальшивое, надо было обратиться к кому-нибудь другому.

Разбойники, поражённые чудом, которое свершилось на их глазах, столпились в глубине пещеры и дрожали от страха.

Мидас спокойно развязал себе ноги, встал, потянулся и даже попрыгал немного, чтобы размять их, а потом со смехом обратился к Филоне:

— Ты хотел золота? Так вот у тебя теперь полный рот его! Ну а я пошёл. Однако должен поблагодарить тебя за гостеприимство.

И с этими словами он коснулся стен пещеры, и они сразу же засверкали, словно освещённые солнцем. Мидас потрогал и камни, служившие стульями, и старый стол, за которым ужинали, и жалкое оружие разбойников, висевшее на стене.

— Хватит? Или ещё нужно?

Разбойники, казалось, с ума посходили. Они обнимали золотые стены, собирали с земли золотые камешки и чуть не подрались из-за золотого стола.

Король Мидас, в последний раз взглянув на обезумевших разбойников, вышел из пещеры.

Филоне, мыча что-то невразумительное, пополз за ним на коленях. Но король даже не обернулся, он лишь прибавил шаг, спускаясь в город, лежащий у подножия горы.

Филоне вскочил и бросился следом, цепляясь за его плащ, словно ребёнок за юбку матери.

Вот так фригийцы и увидели своего короля: он спокойно возвращался во дворец, а за ним бежал карлик с высунутым золотым языком.

— Это главарь шайки разбойников, — объяснил король Мидас придворным, что собрались вокруг. — Пошлите стражу на вершину горы — там, в пещере, найдёте остальных.

И в самом деле, бандиты и не подумали убежать из своей золотой пещеры, которая превратилась для них в ловушку.

Всех разбойников, кроме главаря, отправили в тюрьму. А Филоне Мидас водил за собой как собачку и показывал тем, кто просил превратить какую-нибудь вещь в золотую.

— Хотите, потрогаю вам язык? — спрашивал Мидас. — Или нос? Что, не нравится золотой нос?

Люди в страхе пятились от него. Что случилось с добрым королём Мидасом, который ещё вчера слыл таким щедрым?

— Представляете, на прошлой неделе, — со слезами на глазах рассказывал один придворный, — он превратил в золото миску, из которой я кормлю мою собаку. А теперь, смотрите-ка...

Да, король Мидас и в самом деле изменился. Раньше он считал, что золото позволит ему осчастливить всех его подданных. Но теперь понял, что оно лишь вызывает у людей жадность и самые дурные наклонности.

«Филоне оказался первым, — думал король Мидас. — А завтра, кто знает, сколько ещё людей захотят завладеть мною, моими руками и станут такими же разбойниками».

И тогда он решил избавиться от драгоценного дара, которым наградили его боги. История рассказывает: едва Мидас искупался в волшебных водах реки Пактол, как колдовство — о чудо! — потеряло силу.

К великой радости короля, всё, к чему бы он ни прикасался с тех пор, перестало превращаться в золото. А то, что раньше он сделал золотым, вновь обрело прежний вид — лошадиные подковы стали железными, горшки — глиняными.

Но самое интересное, что и язык у Филоне тоже стал нормальным. Когда карлик понял, что может говорить, то от счастья произнёс только одно слово: «Спасибо!»

Король Мидас оставил его при дворе. Дворцовым карликам, известное дело, неплохо живётся.

Разбойников выпустили из тюрьмы и взяли на службу к королю грузчиками.

Даже тот глупец, который понёс обратно свой камень, добрался наконец до дома и опустил его на прежнее место у фигового дерева.

Этот камень оказался тут очень кстати, потому что, поднявшись на него, можно было дотянуться до самых верхних веток, где зрели самые вкусные плоды инжира.

ЗЕРКАЛЬНОЕ ОТРАЖЕНИЕ

Не стройте рожицы у зеркала — оно может отомстить вам. Призадумайтесь над случаем, который произошёл с доктором Поликарпо Робивекки. Весьма поучительная история.

Однажды в девять часов утра доктор Поликарпо, известный всему городу Кастельбакко зубной врач, вошёл в кафе «Италия». Вполне естественно, скажете вы, ничего удивительного, что зубной врач вошёл в кафе и заказал себе кофе.

Но всё дело в том, что доктор Поликарпо появился там в одной пижаме и, подойдя к кассирше, показал ей язык, отчего та упала в обморок, бармен побледнел, а хозяин кафе позвонил в «Скорую помощь»:

— Алло! Приезжайте быстрее! Наш славный дантист, должно быть, сошёл с ума от жары!

Самые отважные посетители подошли к доктору и попытались его образумить, но в ответ он только показывал язык.

Машина «скорой помощи» тотчас отправилась по вызову, но до кафе так и не доехала, потому что уже на полпути ей пришлось остановиться — огромная толпа запрудила всю улицу.

— Пропустите! Пропустите! Мы спешим к доктору Робивекки!

— Да он же здесь, доктор Робивекки!

— Где?

— Да вот, смотрите!

И в самом деле, дантист стоял посреди толпы в одной майке, в брюках с болтавшимися подтяжками и старательно чистил зубы особой щёткой. Он то и дело останавливался и показывал язык или же, прижав большой палец к кончику носа, помахивал остальными четырьмя, как бы говоря: «Ишь чего захотел!»

— Бедняга! — сокрушённо качали головами санитары. — Он и вправду сошёл с ума!

Они хотели было посадить его в машину, как вдруг на улице выбежал хозяин табачной лавки и закричал:

— На помощь! Он сошёл с ума!

— Кто?

— Наш бедный дантист! Он там, у меня в лавке. Стоит в одних трусах и ковыряет в носу.

В последующие десять минут в городе обнаружили ещё двадцать четыре доктора Поликарпо Робивекки — один в пёстром халате, другой в одних трусах и так далее. Все в разных одеждах, но исключительно домашнего назначения. Один брился, другой умывался, третий чистил зубы. Почти все неопишимо кривлялись и гримасничали. Словом, творилось такое, отчего весь город Кастельбакко пришёл в необычайное волнение, как в ярмарочный день.

Шум на улице вынудил выглянуть в окно даже служанку доктора Поликарпо, пожилую синьору Розу, и она немедленно получила необходимую информацию от соседей.

— Ваш хозяин!
— Мой хозяин?
— Бедняга, посмотрите на него!
— Нет, вы туда посмотрите!
— Да не туда, а вниз!
— Боже милостивый, сколько же их!
— Но как же так?! — возмутилась синьора Роза. — Мой хозяин у себя в кабинете вырывает зуб мудрости супруге мэра.

— Тогда кто же это вон там?

— А там кто?

Синьора Роза поспешила к хозяину.

— Синьор доктор, происходят невероятные вещи! Прямо конец света!

— Не мешайте, Роза, вы же видите — я занят.

— Ради бога, подойдите скорее к окну и посмотрите! Речь идёт о вашей репутации!

Славный доктор не пожелал прислушаться к голосу разума. Он закончил свою работу во рту супруги мэра, проводил её до дверей, как всегда, любезно раскланялся и... поспешил подхватить её, потому что она потеряла сознание. От боли? Ничего подобного. Просто она увидела, как навстречу ей по лестнице поднимается другой Поликарпо Робивекки — в плавках.

Доктор отнёс супругу мэра в свой кабинет, уложил на диван, поручил синьоре Розе привести её в чувство и обернулся к незваному гостю:

— Кто вы такой? Откуда взялись? И что вам здесь нужно?

— Мне? Но я же доктор Поликарпо Робивекки, дантист.

— Я тоже! — закричал кто-то на лестнице.

— И я! И я! — раздалось на улице за окном.

У входа в дом стоял целый взвод докторов Робивекки.

— Что это ещё за шутки! — вскипел настоящий доктор.

— Никаких шуток! — ответил доктор Робивекки в ночной рубашке. — Мы все тут вполне серьёзные люди.

— Очень приятно, — вздохнул настоящий доктор, — но было бы ещё приятнее, если б кто-нибудь из вас потрудился объяснить мне: что означает этот маскарад?

— Никакого маскарада, уважаемый коллега!

— Коллега?

— Ну конечно. Или вы не дантист? А если дантист, значит, и мы тоже. Потому что мы — это вы, уважаемый доктор. Так что давайте перейдём на ты. Мы — это ты. Мы — твои отражения. Все мы вышли из зеркал, в которые ты когда-либо смотрелся у себя дома, у друзей, в гостинице, в пансионате, в кафе, в зале ожидания на вокзале, да где угодно!

Словно в подтверждение этого признания, в комнату вошёл доктор Поликарпо в дорожном костюме, в шляпе, с зонтом, с чёрной сумкой через плечо и... с высунутым языком.

— Что это вы ходите с высунутым языком? — спросил настоящий Робивекки.

— Смотрюсь в зеркало на вокзале в городе Ночера-Умбра.

— А разве обязательно высовывать язык, когда смотришься в зеркало?

— Не знаю, обязательно ли. Но вы это делаете. Всюду, где только есть зеркало, высовываете язык, кривляетесь и гримасничаете.

— Да! Да! Именно так! — хором поддержали все остальные Робивекки. — Гримасничаешь и кривляешься перед зеркалами, когда думаешь, что тебя никто не видит. Зеркалам это надоело, и вот он, результат, перед тобой.

— То есть вы все вышли из зеркал? — уточнил доктор.

— Именно.

— Допустим. Ну а что вы хотите от меня?

— Для начала, — сказал доктор, разгуливавший босиком, — если учесть, что уже почти полдень, мы хотели бы поесть.

— Здесь, у меня дома?

— А почему бы и нет? Это ведь и наш дом.

— Спагетти по-сицилийски хотите?

— Хотим! — дружно ответили все собравшиеся доктора, которых теперь уже насчитывалось тридцать два.

Настоящий доктор рухнул на диван, забыв, что там без чувств лежит супруга мэра. Синьора с криком вскочила и бросилась бежать, вопя так, словно ей рвут зуб без наркоза.

— Роза! — позвал доктор.

— Что прикажете, хозяин? — испугалась служанка.

— Спагетти по-сицилийски для всех...

— Боже милостивый, синьор доктор! Но у меня нет такой огромной кастрюли!

— Займите у кого-нибудь!

— Браво! Только так и надо разговаривать с прислугой — решительно, строго и категорично! — одобрительно загудели доктора Робивекки.

В доме не нашлось даже подходящего стола, за которым могло бы уместиться столько гостей. Но дантисты не растерялись. Некоторые уселись прямо на пол, другие располо-

жились в спальне, трое или четверо устроились на балконе, и все пообедали с большим аппетитом.

— А как насчёт кофе?

— Кофе, кофе!

— А насчёт вина?

— Вина, вина!

Истинный доктор почувствовал вдруг, что ему надо охладить разгорячённое лицо, и прошёл в ванную, переступая через свои отражения, оккупировавшие прихожую и болтавшие о том о сём.

Открывая кран, доктор машинально взглянул в зеркало, висевшее над умывальником, и высунул язык, чтобы осмотреть его. Тотчас из зеркала выскочило его отражение в такой же белой рубашке, как у него, и присоединилось к остальной компании как раз вовремя, чтобы выпить кофе.

— Выходит, зеркала объявили мне войну! — горестно заключил доктор Поликарпо. — Ну что ж, надо принимать меры.

Робивекки вытер лицо и руки, продолжая размышлять. Наконец ему показалось, что он уловил нужную мысль. Доктор улыбнулся и, взглянув в зеркало, соорудил себе рожицу. В то же мгновение его отражение выпрыгнуло из зеркала на пол, ответив ему такой же рожицей, и принялось разминать ноги.

Выйдя из ванной, Поликарпо Робивекки объявил своим отражениям, что должен ненадолго уйти. Наскоро собравшись, он вышел из квартиры и помчался на вокзал, не обращая внимания на прохожих, которые с удивлением смотрели ему вслед и спрашивали, не в сумасшедший ли дом он торопится.

Доктор сел в первый же поезд до Неаполя — в этом городе жил его приятель. К нему он и направлялся.

— Ни о чём не спрашивай меня! — выпалил Робивекки, едва появившись на пороге друга. — Найдётся у тебя в доме тёмная комната без единого зеркала? Могу я пожить в ней два-три дня?

— Комната есть, и жить там ты можешь сколько тебе угодно. Только скажи мне всё-таки, что с тобой стряслось? Могу ли я чем-то помочь тебе?

— Извини, всё расскажу потом!

Запершись в комнате, доктор Робивекки испустил вздох облегчения.

— Теперь я могу быть уверен, что не отражусь ни в одном зеркале. И зеркала тоже не знают, где я. И если моя идея срабатывает...

Идея сработала. Все отражения, запертые в доме доктора Робивекки, попили, поели и спустя некоторое время почувствовали, что стали замерзать.

— В чём дело? Почему так холодно? — забеспокоились они. — Наверное, тут сильно сквозит!

Закрыли окна, но теплее не стало, пожалуй, даже наоборот. Кое-кто из уважаемых докторов уже терял сознание.

— Мне плохо!

— Это видно! Ты таешь прямо на глазах.

— Но и ты, дорогой мой, стал почти прозрачным.

— Что происходит?!

— Я думаю, наш славный Поликарпо сыграл с нами какую-то злую шутку. Где он? Никто не знает. А появилось ли среди нас какое-нибудь новое отражение?

Нет, не появилось. И отражения, лишившись доктора Робивекки, благодаря которому они возникали, начали таять, растворяться в воздухе, словно дым.

Вот уже не стало одного, другого, третьего... К вечеру сохранилось всего двенадцать отражений. Ночью недосчитались ещё девяти... А утром исчезли и три последних — они растаяли в воздухе, не издав ни единого звука.

Синьора Роза внимательно осмотрела все комнаты, заглянула во все шкафы и под кровати и не нашла никого.

— Надо предупредить доктора, что они ушли.

Спустя два дня доктор позвонил к себе домой и спросил:

— Роза, есть кто-нибудь ещё?

— Даже тени не осталось, синьор хозяин!

— Хорошо, тогда я возвращаюсь. Только послушай меня как следует — закрой все зеркала, какие есть в доме! Некоторое время мне придётся бриться на ощупь.

В сущности, если разобраться, так ли уж нужны эти зеркала? Чтобы узнать, красивы ли мы, достаточно закрыть глаза и спросить об этом свою душу и сердце.

ПАСТУХ И ФОНТАН

Жил однажды высоко в горах Абруццо молодой пастух. Жил он в простой хижине и целыми днями пас своих овец. Пастух никогда не спускался с гор и не знал, как живут другие люди. Нередко он жаловался самому себе:

— Эх, узнать бы, как живут люди, может, и я сумел бы разбогатеть!

Однажды утром подошла к его хижине старушка. Услышала она, как он что-то бормочет, и спрашивает:

— На что жалуешься, пастушок?

— Да вот не знаю я, как живут другие. Неужели мне так и суждено весь век оставаться бедняком?

— Сделай для меня одно доброе дело, и я научу тебя, как разбогатеть.

— Одно доброе дело? Да хоть семь!

Дальше семи пастух считать не умел, потому что у него было только семь овец.

— Спустись в город Аквилла, — сказала старушка. — Там найдёшь фонтан с девяносто девятью струями. Сосчитай их, вернись сюда, скажи, сколько струй, и я помогу тебе.

— А кто же будет пасти моих овец?

— Уж так и быть, присмотрю за ними. Но я в силах пасти только шесть овец. Седьмую тебе придётся взять с собой.

Юноша поблагодарил старушку, взял седьмую овцу и отправился в Аквиллу. Добрался он до города утром. День оказался базарный, и пастух как зачарованный смотрел на людей, которые оживлённо спорили и торговались, на животных, которых привезли на продажу и держали в загоне, на прилавки, заполненные разными товарами.

— Если другие люди живут так, как в Аквилле, — решил пастух, — это просто замечательно!

Тут подошёл к нему один торговец и спросил, продаётся ли его овца.

— Не знаю, продаётся ли, — ответил пастух. — Это моя овца, и до сих пор она никогда не болела.

Торговец понял, что попал на простачка. Но он был честным человеком и не стал обманывать пастуха, а предложил за овцу столько, сколько она стоит. И пастух, никогда не видевший так много монет, согласился.

Он завернул деньги в платочек и едва ли не бегом пустился обратно в горы, но вдруг вспомнил поручение старушки. Он узнал у прохожего, где найти фонтан с девяноста девятью струями, и направился к нему.

Какая красота! В центре площади пастух увидел круглый фонтан. Из всех его трубочек высоко к небу взлетали чистые, прозрачные струи. А когда падали на землю, то казалось, будто они бегут друг за другом по кругу. Если в стране фей есть фонтан, то, конечно, именно такой, сказочный.

Налюбовавшись прекрасным зрелищем и послушав шум падающей воды, пастух принялся считать струи фонтана. К сожалению, он умел считать только до семи. Затем начал сначала, и так до тех пор, пока не обошёл весь фонтан.

Наконец, очень довольный, он вернулся в горы, поблагодарил старушку, которая пасла его овец, и рассказал обо всём, что случилось с ним в городе.

— А струи сосчитал? — спросила старушка.

— Конечно! Семь штук!

— Сын мой, ты ошибся. И я, увы, не могу помочь тебе разбогатеть.

Пастух от огорчения чуть не расплакался.

— Через семь дней я опять приду сюда. И ты снова сходишь в город и снова посчитаешь струи фонтана. Сосчитаешь правильно — помогу.

Ровно через семь дней старушка вновь появилась у пастуха:
— Я присмотрю за твоими овцами, а ты иди в Аквиллу и сделай всё, как я сказала. Но одну овцу заведи с собой, потому что я стара и в силах пасти только пятерых.

Пастух взял шестую овцу и быстро спустился вниз, в город. Снова случился базарный день, и пастух опять повстречал прежнего торговца, который спросил его:

— Продаётся твоя овца?

— Продаётся, — ответил пастух. Теперь он уже знал, что означает это слово.

— Покупаю за ту же цену! — сказал торговец.

— Нет, — возразил пастух, — теперь вы должны дать мне немного больше, чем в прошлый раз, потому что я уже кое в чём разбираюсь и знаю, как живут другие люди.

Торговец посмеялся и добавил несколько сольдо. Пастух, очень довольный, завернул монетки в платочек, пошёл к фонтану с девятию девятью струями и опять принялся считать их. Дошёл до семи и остановился. К счастью, рядом оказался какой-то мальчик.

— А что идёт после семи? — спросил его пастух.

— Восемь.

— А после восьми?

— Девять.

Так они и считали дальше вместе. Но мальчик умел считать только до двадцати. Для пастуха это получилось огромное число. Радостный, он вернулся в горы и ещё издали, помахав старушке, крикнул:

— Двадцать!

— Сын мой, ты опять ошибся. Мне очень жаль, но я ничего не могу для тебя сделать. Вернись через семь дней.

Неделю спустя всё повторилось — пастух спустился в город, продал пятую овцу и стал считать струи. Но, дойдя до двадцати, остановился, потому что не умел считать дальше.

К счастью, это заметила одна очень славная и приветливая девушка, которая умела читать и писать.

Она пожалела растерявшегося пастуха и помогла ему сосчитать все струи фонтана. Вот чудеса-то! Их оказалось ровно девяносто девять!

На этот раз пастух не сомневался, что не ошибся. Он быстро вернулся в горы, но старушки там уже не нашёл. Четыре овцы мирно паслись сами по себе и, конечно, ничего не могли ему сказать. Только блеяли: «Бе-е-е-е! Бе-е-е-е!» и щипали траву.

Пастух не знал что и думать. Впрочем, не так уж он и огорчился. Ведь теперь у него имелись деньги, полученные от продажи овец, он умел считать до девяноста девяти и знал, как живут другие люди.

И я готов спорить, вы уже знаете, чем закончится эта история. Знаете, что пастух, научившись считать и узнав, как живут другие люди, на этом не остановился. Он много учился и сам стал учителем. Перебрался в город, женился на той славной девушке, которая однажды помогла ему, и, когда у них подрос сын, он привёл его к фонтану с девяноста девятью струями и начал его учить точно так же, как когда-то набирался ума сам, — считая и пересчитывая эти девяносто девять удивительных хрустальных нитей.

ПОЛЯРНЫЙ ГОСТЬ

Вот уже несколько дней бурые медведи ходили задранным носом и гордо подняв голову.

— Или они выиграли в лотерею, или проглотили палку, — решил синьор Ослиnellи, осёл, который торговал барабанами в своём магазине на углу. Осёл, если захочет, тоже может состричь иногда.

Секрет раскрыла синьора Хитринелли, лиса:

— Они ждут важного гостя!

— Откуда?

— С Северного полюса!

— Наверное, какого-нибудь белого медведя?

— Именно. Они ожидают дядюшку Белоне. Говорят, мы перестанем потешаться над их бурой шкурой, когда увидим дядюшку Белоне, этого франта, который всю зиму напролёт ходит в белом костюме.

— Где, интересно, он будет спать? В холодильнике? Вы же знаете, белые медведи в тепле тают.

И вот однажды вечером вся медвежья семья высыпала на улицу возле своего дома и принялась высматривать, не видно

ли кого на подходе. Собрались все — синьор Буроне, синьора Буруна и дети — от мала до велика: от совсем маленькой Буромедвединки, сидевшей в коляске, до старшего Буромедвежонка.

— Ну что, не видно?

— Похоже, кто-то едет.

Синьора Хитринелли смотрела с балкона своего дома в бинокль и первая объявила:

— Едет! Едет! Ну надо же, какой прекрасный автомобиль с домиком-прицепом — белый с синей полоской по бокам. Синий цвет, наверное, символизирует море.

Роскошная машина под аплодисменты проехала по деревне. На улицу вышли все, кто мог, — и большие и малые.

— Однако, он и в самом деле большой франт, этот дядюшка Белоне!

— Видный, я бы сказал!

— Смотрите-ка, среди своей родни он выглядит, словно бунт из крема на шоколадном торте.

— Кстати, он, наверное, привёз бог знает какие чудесные подарки с Северного полюса. Пойдём посмотрим!

Дядюшка Белоне как раз в этот момент объявил своим племянникам и племянницам:

— Я приготовил вам небольшой сюрприз — привёз нечто такое, что имеется только у нас...

Он распахнул дверцу своей роскошной машины. Домик-прицеп доверху заполняло что-то белое...

— Настоящий полярный снег! — торжественно объявил дядюшка Белоне.

— Снег? А на что он нам, милый дядюшка? — спросила синьора Буруна.

— На что? Чёрт возьми, для того, чтобы охладить шампанское!

— Для этого у нас есть холодильник.

— Отдайте детям, пусть играют в снежки.

— Но они простудятся!

— Припорошите деревья и получите новогодние ёлки.

— Но мы покупаем их в магазине — пластиковые. Они легко разбираются и хранятся в большой коробке.

— Так, выходит, он вам не нужен? Ведь это прекрасный снег! Посмотрите, какой он чистый, нетронутый, мягкий! Я собирал его для вас во время последнего снегопада перед отъездом. Столько сил потратил, чтобы заполнить машину! Мчался всю дорогу, рискуя нарваться на штраф за превышение скорости, лишь бы снег не растаял раньше времени. А вам он вовсе не нужен!

— Конечно, Белоне, снег прекрасен. И ты очень хорошо сделал, что привёз его!

— Хорошо сделал! Но вам, я вижу, не нравится. Ну что же, как хотите!

Дядюшка Белоне, весьма недовольный, уселся в свою машину, и ещё долго из неё доносилось его ворчание.

Синьора Буруна расплакалась и убежала в дом. Синьор Буруне печально покачал головой. Дети один за другим тихонько отошли в сторону, и только Буромедвединка, которая сидела в своей коляске, продолжала хлопать в ладошки и лепетать:

— Дяя Беоне! Дяя Беоне!

Она не поняла, счастливая, что случилось.

А соседи перемигивались, но открыто смеяться не решались. В сущности, они тоже остались недовольны.

— Нет, вы скажите, кто это приезжает в гости с такой грудой снега! Да разве так можно! — возмущались одни.

— Нет, вы посудите, разве так встречают родственников, которые приезжают с Северного полюса? — негодовали другие.

Но больше всех волновалась детвора. Дело-то происходило в июле, сами понимаете, стояла жара, а там, в этом домике-прицепе, целая гора снега! Какой-то крольчонок набрался смелости и постучал в дверцу машины.

— Синьор Белоне, а синьор Белоне!

— Что тебе?

— Не дадите ли немного снега? Я бы снежок слепил!

— И мне тоже, синьор Белоне! И мне!

Со всех сторон сбежались крольчата, лисята, щенята, котята, ослята, жеребята. Дядюшка Белоне открыл дверцу, чтобы взглянуть на них.

— Синьор Белоне! Дайте нам снега!

И тут все увидели, как лицо синьора Белоне озарилось улыбкой. Спустя мгновение снег грудой посыпался из распахнутой двери. И началось самое весёлое сражение, какое только может быть. Случалось ли когда-нибудь что-либо подобное в деревне? Никогда!

Но тут вдруг вышел синьор Ослинелли, набрал пригоршню снега, слепил снежок, прицелился в колокольню и метнул его.

— Дин! — зазвенел колокол, в который попал снежок.

— Дин! Дон! Дин! Дон! Дин! Дон! — запели вскоре и другие колокола, в которые по примеру синьора Ослинелли принялась метать снежки вся деревенская детвора.

Синьор Белоне был счастлив: даже колокола звонили в его честь, словно в день большого праздника. Синьор Буроне, синьора Бурона и их дети вышли посмотреть, что происходит. И увидели, что дядюшку Белоне несут на руках. У медведей отлегло от сердца. Они боялись, что окажутся в неловком положении, что соседи будут смеяться над ними из-за этого сумасшедшего дядюшки, который явился в гости на машине с прицепом, полным снега. Но теперь они снова гордо оглядывались вокруг, как бы говоря: «Ну вот, а вы не хотели верить, что в нашей семье есть выдающиеся личности!»

А из оставшегося снега дядюшка Белоне сделал превосходное мороженое, и всё время, пока гостил у своих родственников, жители деревни чествовали его больше, чем самого важного начальника.

КРУГОСВЕТНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Однажды дядюшка Белоне решил отправиться в кругосветное путешествие.

— Говорят, что земля круглая, — сообщил он тем, кто желал его слушать. — Если так, хочу убедиться в этом и всё увидеть собственными глазами. Возьму с собой мой домик-прицеп и буду двигаться всё время прямо. И если земля действительно круглая, то в один прекрасный день непременно вернусь сюда же.

И он воткнул в лёд шест, чтобы отметить место, где стоял.

— А вы последите, чтобы его не засыпало снегом, — посоветовал он братьям.

Самый младший из них попросил:

— Возьми меня с собой! Я тоже хочу путешествовать!

Но дядюшка Белоне предпочёл взять Чайку.

— Она летает и будет у меня разведчиком.

Он загрузил в домик-прицеп запас продуктов, не забыл и о горючем. Угостил всех на прощание шампанским и сказал:

— Если не вернусь, вспоминайте меня без грусти!

Чайка перекинула через плечо сумку, полную географических карт, и стала походить скорее на почтальона, чем на путешественника.

И они отправились в путь. Ещё долго было слышно, как дядюшка Белоне сигналит на прощание.

В тот день путешественники проделали довольно большой путь по дороге, вечером укрылись в домике-прицепе и спокойно уснули.

А утром, когда проснулись и выглянули наружу... У дядюшки Белоне едва не случился сердечный приступ, а Чайка громко гулькнула от удивления и поспешила взлететь на крышу домика.

— Откуда взялось это море вокруг? — растерянно произнёс дядюшка Белоне, почёсывая за ухом.

— Должно быть, ночью лёд треснул, — заметила Чайка. — Знаешь, дорогой дядюшка, мы с тобой оказались на айсберге.

— На чём, на чём?

— На ледяном острове. Хочешь, осмотрю его?

— Это было бы весьма неплохо.

Чайка вернулась очень скоро.

— Островок, — доложила она, — совсем небольшой, всего лишь раз в десять больше нашего домика-прицепа. В центре стоит высокая гора, на которой очень хорошо смотрелся бы какой-нибудь флаг, а вокруг, насколько хватает глаз, океан.

Дядюшка Белоне снова почесал за ухом. Затем прошёл на корму айсберга.

— Мы движемся, только очень медленно, — сообщил он. — Если не придумаем, как заставить этот остров двигаться быстрее, то будем путешествовать вокруг света лет десять. Это не по мне!

— Может, поискать подмогу? — предложила Чайка.

— Ни в ком случае! Сделай лучше вот что. Сядь на вершину горы и расправь крылья. Они послужат парусом, и вот увидишь, мы сразу же поплывём быстрее.

Чайке совсем не хотелось превращаться в парус, но всё же пришлось согласиться. Вскоре она устала. Ведь Чайка не привыкла летать против ветра. До сих пор он всегда сам с лёгкостью, как пушинку, носил её. К тому же скорость айсберга возросла совсем немного.

— Спустись-ка сюда, — велел дядюшка Белоне. — Попробуем другой способ.

Он снял с машины двигатель и пропеллер от вентилятора и установил их на корме айсберга.

— Посмотрим, — сказал он, — поможет ли нам мотор.

— Дядюшка, да ты просто гений! — восхитилась Чайка.

— Не спеши с выводами. Мы ведь ещё не знаем, работает ли эта система.

Система работала. И даже очень хорошо. Айсберг двигался теперь как могучее судно — с шумом разрезал волны и оставлял за собой широкий пенистый след, в котором очень скоро начали резвиться дельфины.

Пожалуй, даже слишком хорошо работала эта система, потому что через несколько часов айсберг вошел в более тёплые воды и... начал таять.

Чайка первая забила тревогу — она сидела на вершине и заметила, что вода подбирается всё ближе и ближе.

— Дядюшка Белоне, наше судно тает!

— Я должен был предвидеть такое! Этот айсберг — самый настоящий вредитель. Если глупые дельфины...

— Что? А мы тут при чём? — удивился главный дельфин, выпрыгнув из воды.

— Вот уже полдня мы режем для вас воду, — ответил дядюшка Белоне. — Не пора ли теперь и нам помочь?

Дельфины проплыли к носу айсберга, позволили привязать себя к нему канатом, который нашёлся у дядюшки Белоне в домике-прицепе — никогда ведь не знаешь, что может понадобиться! — и потянули его со всей силы.

Получилось, что айсберг тащит целых двадцать двигателей, и дядюшка Белоне мог вернуть мотор на место.

— Садись ко мне в машину, — предложил он Чайке. — Оставим этот предательский айсберг.

Дядюшка отпустил ручной тормоз, и машина с домиком-прицепом рванула вперёд. Теперь капот, словно нос судна, разрезал волны.

В тот же день капитан трансатлантического лайнера «Дзое», который шёл под флагом Монцы (а это небольшой городок поблизости от Милана), с удивлением увидел странный домик-прицеп, двигавшийся с большой скоростью на юго-восток в сопровождении дельфинов.

Впоследствии, когда он рассказывал о столь необычайном зрелище, ему никто не верил.

Тем временем дядюшка Белоне велел дельфинам доставить его к самой земле, а Чайке поручил определить, где же они находятся. Изучив одну за другой все свои карты, она сделала важное заключение:

— По-моему, мы находимся в какой-то точке между Миланом и Буэнос-Айресом.

— Ты говоришь глупости! Этого не может быть! — рассердился дядюшка Белоне.

— Вернее, — поправились Чайка, — мы на полпути между Сицилией и Индией.

— Если ты умеешь читать карты, то я в таком случае не медведь, а морж, — произнёс в растерянности Белоне.

— Что же делать? — огорчилась Чайка.

— Ничего. Подождём немного. Может, кто-нибудь подбросит нас.

— Но ведь машина-то у нас, значит, это мы должны кого-нибудь подвезти, если попросят...

Белоне не ответил. Он уже некоторое время внимательно вглядывался в море.

— Я не ошибся, — наконец сказал дядюшка, — во-о-он плывёт кит, он-то нам и поможет.

Кит и в самом деле взял на спину путешественников, их домик-прицеп и за пару дней доставил на Северный полюс.

По случайному совпадению он высадил их в таком месте, откуда до своего села они добрались довольно быстро.

Подъехав к тому самому шесту, который дядюшка Белоне воткнул в лёд, путешественники увидели толпу приветствовавших их односельчан.

— Ура! Вы совершили кругосветное путешествие! Уехали на юг и вернулись с севера! — в восторге кричали они. — Выходит, совершили кругосветное путешествие!

— Да нет, — вздохнул дядюшка Белоне, — кругосветное путешествие мы, наверное, не совершили, а вокруг этого шеста точно объехали.

КОРОНАЦИЯ ЛЬВА ДЕСЯТОГО

После смерти Феликса Четвёртого следовало короновать Льва Десятого. Коронация любого Льва — это всегда пышная церемония: золотая карета, военный парад, усыпанная бриллиантами корона на бархатной подушке и множество гостей со всех концов света, словом, спектакль, рядом с которым меркнет даже конный цирк. Да и кушанье под стать — не только пальчики, но даже локти оближешь.

Церемониймейстер — князь Леонидо — дядюшка молодого короля. Три дня и три ночи он наставлял его и учил, что тот должен и что не должен делать на коронации: тут — поклониться матери-королеве, там — приветствовать правой рукой придворных... Но самое главное — не отправить, упаси боже, во время церемонии в рот какую-нибудь мышку, попавшуюся в когти!

— Во время коронации не едят, понятно?

— Понятно.

— И никаких транзисторов!

Молодой король жить не мог без радиоприёмника. Он не расставался с ним, даже когда плавал в бассейне — надо же узнать последние новости с чемпионата.

Наконец настал великий день. Настал раньше обычного, потому что уже в три часа утра зазвонили колокола, и больше никому не удалось поспать.

Лев Десятый начал наряжаться для церемонии. Дядюшка Леонидо распоряжался этой важной процедурой:

— Сначала нижнее бельё пурпурного цвета. Потом туфли с пряжками. Затем парчовый камзол и, наконец, горностаевая мантия. Так, так... Ну-ка покажите перчатки! Дыр, слава богу, нет. Перед коронацией вашего отца никому не пришло в голову проверить перчатки. И когда он приветствовал восторженную толпу, у него пальцы вылезали наружу.

В девять часов утра во внутреннем дворе королевского дворца выстроился кортеж парадных карет. В девять пятна-

дцать первый экипаж приблизился к воротам. И тут князь Леонидо нахмурился.

— Никаких рукоплесканий? Странное дело! Обычно, когда кортеж выезжает на дворцовую площадь, раздаются, как пишут журналисты, «бурные аплодисменты».

Удивление князя Леонидо перешло в горестное изумление, когда карета, в которой он сидел рядом со Львом Десятым, выехала за ограду, — площадь оказалась пуста! Пуста, как ведро без воды. Не видно даже ни одной собаки. Ни одной мыши.

— Чёрт возьми! — воскликнул князь. — Где же восторженная толпа? Где туристы, которые приезжают обычно, чтобы не упустить ни одной детали этого грандиозного зрелища? Где же ну хотя бы дети — дети, которые всегда бегут за оркестром, где они?!

Кортеж пересёк площадь и двинулся по проспекту. Какое праздничное убранство повсюду — знамёна, разноцветные полотнища, цветы. Поразительная картина! Но на тротуарах за кордоном полицейских, выставленных поддерживать порядок, ни души. Ни один человек не вышел на порог своего дома, никто не выглядывал в окна.

— Трижды чёрт побери! — вскипел князь Леонидо. — Никто даже не залез на фонарные столбы, чтобы лучше видеть! И на крышах нет любопытных! Куда же они все подевались?!

На крышах сидели только птички.

— Мои верные подданные устроили забастовку, — с грустью произнёс король Лев Десятый.

— Господь не допустит, — пробормотал до смерти напуганный князь Леонидо, — чтобы они подняли восстание!

— Не волнуйтесь, — успокоил его Лев Десятый. — Будь это восстание, мы наткнулись бы на баррикады и гильотины.

— Никогда не угадаешь, что они затеяли, — ответил дядюшка. — Теперь научились изобретать столько способов устраивать революции!

— Сегодня отличная погода, — невесело пошутил король, — наверное, мои подданные отправились за город на пикник.

— Пикник в день коронации? — удивился дядюшка. — Это совершенно исключено! Нет ничего более скучного, чем пикник! А посмотреть на проезжающего в карете короля в ты-

сячу раз интереснее. Хотя бы потому, что можно незаметно скорчить ему рожицу...

Королевский кортеж проследовал по всем главным улицам и площадям города. Поистине неповторимое зрелище! Но никто не восхищался им. Казалось, кареты движутся по совершенно опустевшему городу, как в Италии бывает в августе, в самую жаркую пору.

— Следовало отложить коронацию, — вздохнул Лев Десятый, изнемогая от зноя в своих парадных одеяниях. — Ах, с каким удовольствием я нырнул бы сейчас в бассейн!

— И думать нечего! — возразил дядюшка-князь. — Коронация должна проходить строго по ритуалу, хоть луна свались с неба!

И действительно, всё шло своим чередом. Однако по-прежнему никто не аплодировал только что взошедшему на престол королю, когда он появился на ступенях собора с короной на голове и скипетром в руке.

Кортеж печально двинулся обратно ко дворцу, вновь проезжая по тем же самым пустынным улицам и площадям. Князь Леонидо, сложив на груди руки, недвижно сидел по правую сторону от короля, даже не утирая слёз, которые текли по лицу.

Лев Десятый, украдкой взглянув на него, решил, что момент самый подходящий. Он нагнулся и вытащил из-под сиденья маленький транзистор, который припрятал его верный слуга, и приложил к уху.

— Вот он! Вот он! — возбуждённо кричал репортёр. — Вот королевский кортеж подъезжает к ограде королевского дворца! Великолепный спектакль подходит к концу. Но его величество ещё должен выйти на главный балкон, чтобы приветствовать радостную толпу...

— Как же, — усмехнулся Лев Десятый, — так я и стану раскланиваться перед пустой площадью и оградой...

— Миллионы людей, — продолжал захлёбываться репортёр, — имели счастье присутствовать сегодня на этой бесподобной церемонии, самой прекрасной, какую только помнят со времени коронации Льва Первого, основателя славной династии...

— Миллионы людей? — удивился Лев Десятый. — Надо же так врать!

— Миллионы людей, — кричал репортёр, — со слезами в глазах, исполненные патриотизма, смотрели коронацию любимейшего монарха на своих телеэкранах...

Наушник выпал из рук короля.

— Пусть меня хватит удар! — воскликнул он. — Но наконец-то я понял, в чём тут дело! ОНИ ЖЕ ВСЕ СИДЕЛИ У ТЕЛЕВИЗОРОВ! Чтобы насладиться зрелищем, не толкаясь в толпе, не заглядывая через головы друг друга. Ну и хитрецы мои подданные! А что, я ведь тоже не раз предпочитал смотреть футбол по телевизору, вместо того чтобы мёрзнуть на стадионе...

И действительно, всё так и происходило. Люди так привыкли к телевизору, что, выйди они на улицу, настоящая коронация показалась бы им не настолько восхитительной. Лишь на экране телевизора она выглядела такой, какой ей и полагалось быть.

Сообразив это, Лев Десятый заулыбался и принялся усердно раскланиваться направо и налево. А князь Леонидо, который ничего не понял, проворчал:

— Бедняга, от огорчения он сошёл с ума! Приветствует безлюдную площадь и булыжники!

НЕБОСКРЁБ В МОРЕ

Наверное, никто мне не поверит, но однажды ночью я видел в порту Генуи небоскрёб, который плыл по волнам, словно трансатлантический гигант. Я стоял на балконе своего номера в гостинице и смотрел в сторону моря. Там, в порту, возвышаясь над тесным скоплением небольших торговых судов, буксиров и пароходиков, сверкал сотнями, тысячами огней огромный, высокий, как небоскрёб, пассажирский лайнер.

Откуда-то из калейдоскопа тёмных и недвижных мачт и труб донёсся низкий пароходный гудок.

Невозможно, услышав этот звук, не испытать острое желание отправиться в путешествие — навстречу морским и небесным просторам. Это неодолимое желание сразу же охватывает тебя целиком — и душу, и тело. Его ощущаешь даже в ногах. Вернее, я хотел сказать — в корнях. Хочется высвободить эти корни и двинуться куда-нибудь далеко-далеко.

Ночью в Генуе мне никогда не удавалось спать спокойно. Поэтому я вышел на балкон. А пароходный гудок всё звал.

Есть ли у небоскрёбов уши, чтобы слышать? Не знаю, не спрашивайте меня об этом. На самом верху здания, на крыше стоит целый лес телевизионных антенн. Они ловят электромагнитные волны. Так неужели небоскрёбы не слышат этот волнующий гудок?

А он всё звал и звал...

И тогда небоскрёб шевельнулся на своих корнях.

Есть ли у небоскрёба корни? Я думаю, есть. Должны быть. Наверное, это водопроводные и газовые трубы, телефонные

и электрические кабели — всё это стальное переплетение, что змеится по нему внутри и уходит в землю, под фундамент.

Поначалу я подумал, что это идёт трансатлантический лайнер — огромная махина со светящимися там и тут на разной высоте иллюминаторами величаво плыла по тёмной воде, направляясь в открытое море.

Но присмотревшись, я понял, что трансатлантический лайнер по-прежнему стоит на своём месте, а небоскрёб, знаменитый генуэзский небоскрёб уже не возвышается над крышами города — огромный железобетонный, стеклянный пастырь покинул своё стадо. Небоскрёб плыл по морю...

Наверное, мне следовало бы позвонить портюе, сообщить в полицию, пожарным — не знаю. Только я стоял на балконе, замерев от изумления. Меня зачаровало это зрелище.

Небоскрёб вышел из порта и направился, как мне показалось, на восток. Но потом вдруг, круто развернувшись, изменил курс и двинулся на запад.

— Во Францию, значит, направляется? — удивился я. — Без паспорта?

Мне стало смешно. Я представил себе, как моторный катер таможенников спешит за небоскрёбом, чтобы проверить его документы.

— Что у вас записано в декларации? Не везёте ли какие-нибудь ценные грузы?

— Исключительно ценные — почти полтысячи спящих пассажиров, среди которых немало детей.

— Нам очень жаль беспокоить вас, но мы должны провести досмотр.

— Хорошо, только не шумите. На пятнадцатом этаже едва удалось заснуть одному больному синьору. На двадцатом этаже готовится к трудному экзамену студент. Может быть, кстати, вам удастся уговорить его отложить учебники и немного поспать? Здоровье прежде всего, не так ли?

— Остановите машины и дайте нам подняться на борт! — потребовали таможенники.

— Какие машины? Где вы их видите? Это же котёл для парового отопления.

— Встаньте на якорь!

— Ещё не хватало, чтобы я выбросил все свои кабели! А на десятом этаже ждут важный телефонный звонок из Нью-Йорка. Так уж устроены эти генуэзцы — лишите их удовольствия работать в любое время суток, и у них от огорчения заболит горло.

— Стоп! Стоп! Вы не смеее возвращаться назад! — уже кричали таможенники.

— Не смею? Вот ещё! — фыркнул небоскрёб. — Хотел бы я посмотреть, кто мне может помешать! Взгляните, пожалуйста, на небо. Нет, не туда — на восток. Видите на горизонте слабую светлую полосу? Ночь на исходе. И я должен вернуться на службу ещё до того, как придёт мальчик-посыльный от молочника. Если он заметит, что я уйду по ночам на прогулку, к вечеру об этом будет знать вся Генуя. Мне это ни к чему. Я дисциплинированный небоскрёб и дорожу своей репутацией. Во всяком случае, днём.

— А ночью?

— Ночью другое дело. Ночью воображаю, будто я тоже трансатлантический лайнер. Представляю, как покидаю порт и плыву куда-нибудь далеко-далеко... Мы, генуэзцы, славимся любовью к далёким путешествиям. Вам доводилось слышать про Христофора Колумба?

Небоскрёб возвращался в порт со скоростью примерно десять узлов. Он явно спешил на своё привычное место. Я ухватился за перила балкона, словно боясь, что кто-нибудь оттащит меня. Ни за что на свете не хотел бы я пропустить момент, когда небоскрёб будет занимать своё место на

фундаменте, чтобы дожидаться мальчика-посыльного от молочника, газетчика и посыльного от булочника с корзиной знаменитых гонуэзских булочек.

К сожалению, за моей спиной в комнате зазвонил телефон.

— Алло, — ответил я машинально, не покидая своего наблюдательного поста.

Телефон продолжал настойчиво звать меня. Если я не хотел разбудить соседей, следовало ответить. Я подбежал к аппарату и взял трубку.

— Доброе утро, синьор! Шесть часов.

Будильник! Проклятье! Ведь это я сам попросил портье разбудить меня в шесть утра. Не потому, что всегда встаю так рано. Просто иногда люблю почитать часок-другой в постели, прежде чем начнётся день.

Я поблагодарил и побежал на балкон.

Небоскрёб уже стоял на своём месте! Он возвышался над морем низких крыш и хитро подмигнул мне одним из своих окон — оно зажглось и тут же погасло. Наверняка кто-то проснулся, бросил взгляд на часы и решил, что можно поспать ещё немножко. Словом, я всё прозевал!

Небоскрёб стоял как обычно, такой же, каким я видел его всегда, даже на гонуэзских открытках. Вскоре в его стенах опять забурлит жизнь, но в этот момент он будто дремал в ожидании рассвета.

Осветилось и погасло ещё одно окно. Неужели небоскрёб подмигивал мне, словно проказник, которому удалось сухим выбраться из воды?

Я так никогда и не узнаю об этом.

СЛЕПОЙ ПРИНЦ

— **П**ринц Медоро слепой!
— Не может быть! На фотографии в газете у него такие красивые голубые глаза!
— Красивые, но он слеп. Королева дни и ночи плачет от горя.

— Король собрал во дворце лучших врачей Морландии и пообещал им горы золота, если они вернут сыну зрение.

— Но всё, похоже, впустую. Видите, врачи покидают дворец, безутешно качая головой.

— Профессор Беллонис, профессор Картонис, профессор Де Максимис... Неужели все уезжают?

— Говорят, только один остался.

— Кто? Вон тот? Но это же вовсе не врач!

— И что же он думает предпринять? Впрочем, если наука признаёт своё бессилие...

Наука — да, но Дзербино — нет. Дзербино не врач, не профессор, а просто старик в скромной тёмной одежде, и единственное яркое пятно в его облике — рыжая борода.

— Это кудесник. Он обещал вылечить принца волшебством.

Люди, как известно, нередко болтают всякую чепуху... Особенно когда говорят о вещах, в которых ничего не понимают.

Толпа, собравшаяся у ограды королевского дворца, не переставала обсуждать трагедию принца.

Дзербино — не добрый волшебник и не злой колдун — каким-то непонятным образом оказался среди врачей, прибывших отовсюду, чтобы осмотреть маленького принца Медоро, который лежал в кровати, устремив свои прекрасные незрячие глаза в пространство.

Дзербино держался в стороне, в учёные споры не вступал, лекарств никаких не назначал, операцию не предлагал. Только когда с печалью, словно проигравший сражение генерал, удалился последний врач, Дзербино осторожно приблизился к королю.

— Что вам нужно, добрый человек? — спросил король. — Вы же видите, какое у нас горе. Если с каким-нибудь прошением, приходите завтра.

— Я хотел, — произнёс Дзербино, теребя рыжую бороду, — я только хотел попросить вас разрешить мне попробовать...

— Что попробовать?

— Я даже не прикоснусь к глазам его высочества. Я только поговорю с ним.

— Добрый человек, но ему же нет и двух месяцев! Он не поймёт вас.

— Я думаю, поймёт. Позвольте попробовать...

Дзербино подошёл к позолоченной кровати Медоро и взял ручку принца. Все вокруг затаили дыхание, а Дзербино взглянул на короля, вытиравшего слёзы горностаевой мантией, и заговорил:

— В некотором царстве, в некотором государстве жил-был однажды король. Великий король. В плаще, расшитом золотом и серебром и украшенном горностаем. На голове у него корона, усыпанная рубинами. И чёрная, остроконечная бородка...

— Какой невоспитанный человек! — шепнул мажордом главной горничной королевы. — Описывает нашего короля, словно какой-нибудь неодушевлённый предмет, без подобающего уважения. Вот увидите, король не замедлит прогнать его, не пожалеет даже своего скипетра — сломает о его голову!

— ...И был у него, — продолжал Дзербино, — скипетр из резной слоновой кости, и он то и дело чесал им свою бороду.

Король, который как раз в это время чесал бороду скипетром, сперва оторопел от изумления, а потом возмутился. И хотел было обрушиться на бедного Дзербино с бог знает какими гневными словами, как вдруг произошло совершенно неожиданное.

Принц Медоро заулыбался так, словно увидел великого короля из только что рассказанной сказки, и протянул к нему ручки, как будто хотел поиграть с его скипетром из резной слоновой кости.

— Он видит меня! — вскричал король, сразу же догадавшись, что происходит. — О боже, он видит меня!

— Жила-была в некотором царстве, в некотором государстве и королева. Великая королева, в красном, расшитом золотом плаще. У неё белокурые волосы и сияющая диадема, которая сидит на её голове, словно птичка в своём гнездышке...

И малыш Медоро снова заулыбался, повернувшись к королеве, совсем так, будто видел её, и протянул ручки, чтобы потрогать диадему.

Королева опустилась на колени возле кроватки сына, и маленький принц ухватился ручонками за её волосы.

— Он видит меня! Он улыбнулся мне! — воскликнула королева, плача от радости.

Люди не переставали удивляться столь странному способу исцелять.

— Надо же, самый обычный сказочник и сумел сделать то, что оказалось не под силу знаменитым учёным!

— Что, принц и в самом деле исцелился? Совсем-совсем?

— Ну, пока ещё не совсем... Но он на верном пути.

— Так всё-таки видит он или не видит?

— Видит, но только когда с ним говорит Дзербино.

— А что же он ему говорит?

— Он описывает окружающее так, словно рассказывает сказку. Например, стоит на столе стакан, и Дзербино говорит: «Жил-был однажды стакан...» И принц сразу же видит и стакан, и воду в нём, и розу или камелию.

— А если он ничего не говорит?

— Тогда принц ничего и не видит. Но пока он видит только то, о чём ему рассказывает Дзербино.

— Интересный случай! Будем надеяться хотя бы, что Дзербино не придёт в голову выдать лягушку за принцессу...

Но Дзербино нисколько не заслуживал таких дурных подозрений. Это был очень честный сказочник, и он скорее

дал бы отрубить себе руку, чем обмануть принца.

Медоро мог без устали слушать его рассказы. И это понятно — ведь наши глаза никогда не устают смотреть. Едва проснувшись, Медоро звал Дзербино, спавшего в соседней комнате.

— Дзербино, где ты? Иди скорее сюда! Покажи мне голубое небо и сияющее солнце...

И Дзербино сразу же начинал описывать терпеливо и точно:

— Стояла однажды прекрасная погода...

А если небо застилали тучи или в королевском саду зависал туман, Дзербино начинал свой рассказ так:

— Стояла однажды очень плохая погода...

Принц Медоро видел свинцовые тучи, дождь за окном и сердился:

— Не хочу! Не хочу смотреть на неприятные вещи! Расскажи по-другому!

— Ваше высочество, не могу.

— Я приказываю тебе!

— Ваше высочество, глаза даны нам для того, чтобы видеть то, что есть, — и хорошее, и плохое.

Принц бледнел от гнева и за весь день не произносил больше ни слова.

Однажды, вскоре после того как принцу исполнилось восемнадцать лет, он прогуливался с Дзербино в лесу верхом на коне.

Случилось так, что из гнезда выпал совсем крохотный птенчик, и дикая лесная кошка, притаившаяся под деревом, быстро схватила его и съела.

Медоро увидел это, потому что Дзербино подробно рассказывал ему всё, не пропустив ни одной детали, — рассказывал, как дрожал несчастный неоперившийся птенчик, как довольно ухмылялась кошка, эта гадкая тварь.

— Не хочу! — вскричал Медоро, останавливая коня.

— Но, ваше высочество...

— Замолчи! И смотри, что я сейчас буду делать.

Он закрыл глаза и принялся рассказывать сам себе:

— Однажды крохотный, едва родившийся птенец выпал из гнезда, и злая кошка хотела схватить его, но отважный принц, который проезжал мимо на белом коне, выстрелил в кошку и убил её. А потом положил птенца обратно в гнездо и, напевая песенку, двинулся дальше...

Принц и в самом деле запел весёлую песенку и пришпорил коня. Дзербино пришлось галопом догонять его.

— Я видел всё, что рассказывал тебе, — воскликнул Медоро, счастливый и довольный. — И ты мне больше не нужен. Теперь я сам буду рассказывать себе всё, что захочу!

Дзербино огорчился, но покорно опустил голову и промолчал.

— Почему не радуешься вместе со мной? Чем ты недоволен?

— Я бы радовался, если б нам действительно удалось спасти птенца от когтей кошки. Мало придумать красивую сказку, чтобы помешать плохим делам.

— А по мне, так не мало! — отрезал принц.

И с этого дня всякий раз, когда Дзербино, описывая ему окружающее, говорил о чём-нибудь печальном или неприятном, Медоро приказывал замолчать и сам рассказывал себе происходящее по-своему, придумывая какую-нибудь весёлую и прекрасную, как солнечный летний день, историю.

Так ему удавалось видеть только безмятежные, радостные картины. Дзербино попробовал поговорить с королём-отцом, но не сумел объяснить ему, что возникает новая болезнь, ещё более опасная, чем слепота, потому что безнадёжно слепой человек — это тот, кто не хочет видеть вещи такими, какие они есть на самом деле.

— Он ещё молод, — сказал король, — он пережил такую беду. Что плохого, если Медоро пытается найти для себя какое-то утешение? Принц изменится, когда займёт мой трон.

Но, к сожалению, когда король-отец умер и Медоро занял его трон, он по-прежнему предпочитал вымыслы действительности.

Если министр финансов говорил ему, что государственная казна почти пуста, юный король представлял себе горы золотых монет и тотчас устраивал роскошный праздник, чтобы потратить побольше денег.

А потом началась война, и страну захватили враги. Но Медоро и тут утешал себя рассказами про славные победы и необыкновенные завоевания.

Понятно, что вскоре он лишился трона, и все покинули его. Все, кроме верного Дзербино, который следовал за ним, чтобы помогать видеть.

— Стояла в лесу хижина, и в этой хижине жил принц Медоро. Вокруг росли сорняки и колючки...

— Нет! Розы и магнолии, розы и жасмин!

Принц оказался неизлечимым даже в нищете. Но однажды...

Однажды Медоро услышал, что кто-то стучится в дверь. И Дзербино рассказал ему, что пришли дети — мальчик и девочка — и протягивают руку за подаванием. Их отец погиб на войне, а мать умерла от горя. Оставшись без родителей, дети оказались бездомными. Им негде спать, нечего есть. От этих несчастий мальчик ослеп, и девочка стала его поводырём.

Медоро захотел было, как обычно, закрыть глаза и всё рассказать по-своему, будто пришли к нему в гости принц и принцесса и приглашают на большой бал. Но в этот момент слепой мальчик споткнулся о порог. Медоро протянул руку, чтобы поддержать его, и увидел — по-настоящему увидел его бледное лицо, слёзы, текущие по грязным щекам, худенькую, дрожащую фигурку в лохмотьях.

Прикоснувшись к чужой беде, он увидел мальчика таким, каким тот был на

самом деле, и в сердце его родилось сочувствие. Он увидел, что этому маленькому несчастному ребёнку нужно помочь. И понял, что желание уйти в красивую сказку — это подлость.

— Заходите! — сказал он детям. — Вы похожи на птенцов, выпавших из гнезда. Но дикая лесная кошка не съест вас. Пусть этот дом будет вашим домом, а я стану вашим отцом. Может быть, слишком молодым отцом, но если согласитесь, начну работать, чтобы вам жилось хорошо.

Дзербино ничего не сказал. Он только улыбнулся. Старик был счастлив, потому что Медоро наконец исцелился.

«Теперь он действительно видит, — подумал Дзербино. — Видит, потому что хочет видеть, и понимает, что нужно сделать, чтобы принести людям счастье».

СОДЕРЖАНИЕ

Терезина-Которая-Не-Растёт	5
Пудовичок и Пушинка	17
Жареная Кукуруза	29
Принц-лесник	45
Принц Дуралей	55
Принцесса Веселина	65
Волшебник Гару	77
Говорящая статуя	87
Королевская гитара	99
Солдатская гармоника	109
Пуговкин домик	121
Король Мидас и разбойник Филоне	131
Зеркальное отражение	141
Пастух и фонтан	149
Полярный гость	155
Кругосветное путешествие	161
Коронация Льва Десятого	167
Небоскрёб в море	173
Слепой принц	181

УДК 821.131.1-34-93
ББК 84(4Ита)
Р60

Литературно-художественное издание
Для младшего и среднего школьного возраста

Родари Джанни
ПРИНЦЕССА ВЕСЕЛИНА
Сказки

Ответственный редактор *Н.Н. Родионова*
Художественный редактор *Т.Ю. Никитина*
Технический редактор *Т.Ю. Андреева*
Корректор *Н.М. Соколова*
Компьютерная верстка *И.А. Гортинская*

ISBN 978-5-389-00997-4

© И. Константинова. Перевод с итальянского, 2010
© В. Челака, иллюстрации, 2010
© 1980, Maria Ferretti Rodari and Paola Rodari, Italy
© 2008, Edizioni EL S.r.l., Trieste Italy
© Оформление. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2010
Machaon®

Подписано в печать 20.10.2010.
Формат 84×100 ¹/₁₆. Бумага офсетная № 1.
Гарнитура «Школьная». Печать офсетная. Усл. печ. л. 18,72.
Тираж 10 000 экз. D-GCH-4254-01-R. Заказ № 3887.

192 с., с ил.

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» —
обладатель товарного знака «Махаон»
119991, Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4

Филиал ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» в г. Санкт-Петербурге
196105, Санкт-Петербург, ул. Решетникова, д. 15

ЧП «Издательство «Махаон-Украина»
04073, Киев, Московский проспект, д. 6, 2-й этаж

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве:

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус»
Тел. (495) 933-76-00, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге:

Филиал ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» в г. Санкт-Петербурге
Тел. (812) 324-61-49, 388-94-38, 327-04-56, 321-66-58, факс (812) 321-66-60
E-mail: trade@azbooka.spb.ru; atticus@azbooka.spb.ru

В Киеве:

ЧП «Издательство «Махаон-Украина»
Тел./факс (044) 490-99-01
e-mail: sale@machaon.kiev.ua

www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ЗАО «ИПК Парето-Принт», г. Тверь
www.pareto-print.ru

23 октября 2010 года исполнилось 90 лет со дня рождения знаменитого итальянского писателя Джанни Родари (1920–1980). Более чем за тридцать лет литературной деятельности Джанни Родари написал множество сказок, стихов и рассказов. Но прославился он конечно же своими сказками. «Приключения Чиполлино», «Путешествие Голубой Стрелы», «Джельсомино в Стране лжецов», «Торт в небе», «Сказки по телефону», «Дворец из мороженого», «Маги на стадионе» и многие другие сказки знают и любят дети во всех странах мира. За вклад в детскую литературу в 1970 году Джанни Родари была присуждена Международная премия имени Андерсена.

Премия имени Ханса Кристиана Андерсена – самая престижная премия в области детской литературы. Она учреждена в 1956 году Международным советом по детской книге ЮНЕСКО и вручается раз в два года 2 апреля – в день рождения Андерсена. В 1967 году эта дата была объявлена Международным днём детской книги. Премию, состоящую из почётного диплома и золотой медали с профилем знаменитого сказочника, на торжественной церемонии вручает сама королева Дании.

Machon

